

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИНФОРМАЦИОННОЕ
ОБЩЕСТВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

Р. В. Болгов

**Информационное общество
и международные отношения**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2014

УДК 327
ББК 66.4

Болгов Р. В.

Информационное общество и международные отношения
/ Р. В. Болгов — «Санкт-Петербургский государственный
университет», 2014

ISBN 978-5-288-05510-2

В учебнике рассмотрены вопросы формирования информационного общества. На основе современных теорий раскрываются содержание понятий информационного общества и информационной политики, концепции нового международного информационного порядка. Особое внимание уделяется изучению феномена «цифрового разрыва» и информационного империализма. В книге представлен обзор основных региональных моделей построения информационного общества и проведен анализ основополагающих международных документов, определяющих его развитие. Изложены основные подходы к формированию электронного правительства, рассмотрены концепции информационной войны. Учебник предназначен для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «международные отношения», а также для всех интересующихся проблемой формирования информационного общества.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-288-05510-2

© Болгов Р. В., 2014
© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2014

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
1.1. Информация и коммуникация. Природа, сущность, основные понятия	11
Знак, значение, смысл	14
Текст, гипертекст, дискурс	16
Знание, информация, коммуникация	18
1.2. Информационные процессы в контексте глобализации: пространственно-временные аспекты	24
Технико-экономические параметры информационных процессов	29
Феноменологические противоречия глобализации	32
Проблема единого информационного пространства: в преддверии информационного общества	34
1.3. Реальность и утопия в идеологии информационного общества	49
Политические идеи информационного технократизма	51
Метаморфозы демократии в компьютеризованном обществе	53
Концепция «демократия участия»	57
Теория «адхократии»	58
Концепция «меритократии»	59
Идея «датократии»	59
Выводы	62
Контрольные вопросы и задания	64
Рекомендуемая литература	65
Глава 2	66
2.1. Зарождение концепции информационного общества	67
2.2. Классические зарубежные концепции информационного общества	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Р. В. Болгов, Н. А. Васильева, С. М. Виноградова, К. А. Панцерев Информационное общество и международные отношения. Учебник

*Вечная гонка по кругу идей и новаций,
Изобретений, открытий, экспериментов
Откроет нам сущность движения, но не покоя.
О жизнь, растраченная в существовании...
О мудрость, утраченная в знании...
О знание, потерянное в информации...*

Т. Элиот

Под редакцией К. А. Панцерева

Рецензенты:

Ю. В. Косов, д-р филос. наук, проф., Северо-Западный ин-т управления РАНХиГС при Президенте РФ;

М. М. Лебедева, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД России

Печатается по постановлению Ученого Совета Санкт-Петербургского государственного университета

Авторский коллектив:

Р. В. Болгов, канд. полит. наук, ст. преп. (главы 6, 7, 8, 9); *Н. А. Васильева*, д-р филос. наук, проф. (глава 1, предисловие, заключение); *С. М. Виноградова*, д-р полит. наук, проф. (глава 1, предисловие, заключение); *К. А. Панцерев*, д-р полит. наук, доц. (главы 2, 3, 4, 5, 7).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2014

Предисловие

Учебник посвящен одной из важных и злободневных проблем международных отношений – становлению информационного общества. Информация и коммуникация всегда были и остаются неотъемлемыми компонентами международной жизни. Их интенсификация, во многом обусловленная стремительным развитием сетевых технологий, немало способствует изменению картины мира.

Вместе с тем современный этап информационной революции порождает множество вопросов политического, экономического и цивилизационного характера. В поиске адекватных ответов на эти вопросы активно участвуют и представители различных отраслей социально-гуманитарного знания. Появилось множество концепций и теорий, по-разному объясняющих феномен информационного общества. Разобраться в этом обилии фактов, взглядов и мнений подчас бывает сложно, но необходимо, особенно тем, кто выбрал в качестве профессии сферу мировой политики и международных отношений. Авторам учебника представляется необходимым выявить и проанализировать исторические предпосылки возникновения концептуальных основ теории информационного общества, а также дать научную оценку сегодняшним процессам, связанным с ее практической реализацией.

Учебник раскрывает содержание учебной дисциплины «Информационное общество и международные отношения» (Information society and international relations) основной образовательной программы высшего профессионального образования по уровню «бакалавриат» по направлению подготовки 031900 – «Международные отношения».

Цель учебной дисциплины – формирование у студентов системного представления об информационном обществе как о важном факторе современных международных отношений, а также формирование информационной культуры обучающихся.

В *задачи* дисциплины входят:

- формирование *знания* студентами содержания основных теорий информационного общества, особенностей принципов формирования глобального информационного общества и ключевых аспектов международных отношений в контексте развития глобального информационного общества;
- приобретение обучающимися *умения* профессионально анализировать явления, характеризующие взаимодействие и взаимовлияние глобальных информационно-коммуникационных процессов, мировой политики и международных отношений;
- овладение обучающимися *навыками* использования современных информационных технологий в различных сферах международной деятельности.

В процессе обучения студенты должны овладеть такими компетенциями, как:

- способность понимать сущность и значение информации в развитии общества, использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки информации, работать с компьютером как средством управления информацией, в том числе в глобальных компьютерных сетях;
- способность учитывать в практической деятельности особенности общей, предпринимательской или академической культуры партнеров;
- способность на практике использовать общепринятую систему русскоязычной транскрипции имен и географических названий;
- способность анализировать источники информации, выделять наиболее существенные факты, давать им собственную оценку и интерпретацию;
- способность применять на практике основные социологические методы (интервью, анкетирование, наблюдение и т. д.).

Учебник призван помочь студентам овладеть обозначенными компетенциями.

Конечно, изучение данной дисциплины предполагает опору студентов на знания, которые они получают в ходе обучения в Санкт-Петербургском государственном университете на направлении «международные отношения», а также в других отечественных и зарубежных образовательных учебных заведениях. Авторы учебника исходили из того, что студенты обладают набором общих и профессиональных компетенций, полученных в ходе освоения различных теоретических дисциплин.

Реализации цели и задач учебника отвечает его структура.

В первой главе «Идейные истоки информационного общества» приводится развернутая характеристика категориального аппарата, используемого в учебнике, а также в контексте эволюции пространственно-временных координат международных отношений рассматриваются те аспекты информационных процессов, которые способствовали созданию условий появления теоретических построений, связанных с идеей информационного общества, и формированию политики реализации этой идеи на практике.

Во второй главе «Классические концепции информационного общества в мировом политологическом дискурсе» прослеживаются истоки концепций информационного общества, а также выявляются их сильные и слабые стороны. Большое внимание уделяется критическому анализу тех теоретических построений, посвященных информационному обществу, которые сегодня обрели характер классических.

В третьей главе «Информационное общество: понятие, сущность, основные характеристики» раскрывается содержание понятия «информационное общество», анализируются технологические и социально-политические аспекты формирования информационного общества и признаки его построения. Приводятся характеристики современных систем международных сопоставлений уровня развития ИТ-сектора в странах и регионах мира.

В четвертой главе «"Цифровой разрыв" и проблема его преодоления» рассматриваются особенности информационной зависимости и информационного империализма; выявляются основополагающие черты современного «цифрового разрыва» и прослеживаются международные мероприятия, направленные на его преодоление.

В пятой главе «Региональные модели построения информационного общества» приведен развернутый анализ ведущих моделей формирования информационного общества (англосаксонской, континентальной, азиатской, а также формирующихся моделей построения информационного общества в латиноамериканских и африканских странах). Дана оценка перспектив отдельных стран и регионов в достижении равноправной интеграции в глобальное информационно-коммуникационное пространство.

В шестой главе «Становление информационного общества в России: проблемы и перспективы» рассматриваются проблемы и перспективы России на пути вхождения нашей страны в глобальное информационное общество. Анализируются основополагающие документы, определяющие процессы формирования информационного общества в России (Концепция формирования информационного общества в России 1999 г., Концепция государственной информационной политики РФ 1998 г., Стратегия развития информационного общества в России 2008 г.), Государственная программа «Информационное общество (2011–2020)».

В седьмой главе «Международное взаимодействие в сфере развития информационного общества» рассматривается деятельность глобальных структур по развитию информационного общества. Особое внимание уделяется анализу инициатив «Большой восьмерки» в сфере ИКТ, содержанию Окинавской хартии глобального информационного общества (2000 г.), итогам Всемирного саммита по информационному обществу (встреча в Женеве в 2003 г. и в Тунисе в 2005 г.), Конвенциям ЮНЕСКО о защите культурного разнообразия. Выявляются особенности подходов России и США к международной информационной

безопасности. Прослеживаются перспективы международного сотрудничества по развитию проектов электронного парламента.

В восьмой главе «Электронное правительство: сущность и содержание концепции» раскрывается содержание концепций электронного правительства и определяются основные этапы его формирования. Характеризуется деятельность международных организаций по содействию формированию электронного правительства. Проводится анализ реализации ФЦП «Электронная Россия (2002–2010)» и Концепции формирования электронного правительства в России до 2010 г. (2008 г.).

В девятой главе «Информационная безопасность в международных политических процессах» представлены основные подходы к понятию информационной безопасности, а также концепции *suber power* Дж. Ная-мл. и конфликтов информационной эпохи. Раскрыто понятие и характерные черты информационного оружия. Рассмотрены проблемы информационной безопасности личности. Дана развернутая характеристика Доктрины информационной безопасности РФ (2000).

Каждая из глав содержит список рекомендованной литературы по теме, контрольные вопросы и задания. Кроме того, в конце учебника помещен глоссарий.

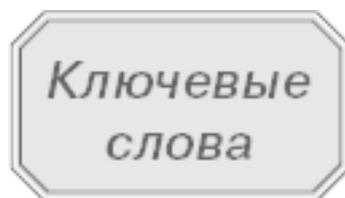
Авторский коллектив выражает благодарность проректору по экономике Е. Г. Черновой, декану факультета международных отношений И. Н. Новиковой, председателю научной комиссии факультета О. Л. Церпицкой и председателю учебно-методической комиссии Д. Н. Барышникову за предоставленную возможность опубликовать учебник.

Отдельную благодарность авторы выражают рецензентам – проф. Ю. В. Косову, проф. М. М. Лебедевой, проф. Г. С. Мельник и старшему преподавателю Е. С. Зиновьевой за ценные замечания и рекомендации, которые были учтены при создании учебника.

Глава 1

Идейные истоки информационного общества

В главе рассмотрены основные понятия, используемые в учебнике, а также пространственно-временные характеристики международных отношений, которые в условиях формирования информационного общества приобретают новые объективные параметры. Эти параметры можно свести к трем составляющим: глобализация, информатизация и демократизация (во всей противоречивости этих феноменов). Каждый из названных процессов кардинально меняет устоявшиеся пространственно-временные формы международной жизни, международных отношений и социальных форм взаимоотношений народов и отдельных граждан.

Информационное общество, информация, знание, данные, информационное пространство, глобализация.

В результате освоения данной главы обучающийся должен:

знать

основные понятия, особенности информационно-коммуникационных процессов в сфере международных отношений и мировой политики, тенденции развития глобального информационного пространства, политико-идеологические основания концепций информационного общества, принципы формирования глобального информационно-коммуникационного пространства;

уметь

объяснить проблемы, возникающие в ходе выявления существенных характеристик информации и коммуникации; определить историческую роль и место информации и коммуникации в развитии человечества; выявить основные пространственно-временные параметры становления информационного общества;

владеть

навыками анализа явлений, свойственных различным этапам становления информационного общества; умением ориентироваться в современных источниках и литературе, посвященных теоретико-практическим аспектам формирования идеи информационного общества и ее воплощения в жизнь.

1.1. Информация и коммуникация. Природа, сущность, основные понятия

Прежде чем рассмотреть вопрос о роли информации в международной жизни, необходимо уточнить содержание понятия «*информация*». Это достаточно сложно, поскольку единого, общепринятого определения данного чрезвычайно многообразного феномена пока нет. Есть разные мнения об этимологии слова «информация». Первоначально оно стало активно использоваться журналистами, которые подразумевали под информацией интересные для широкой публики новости.

В Новейшем словаре иностранных слов и выражений слово «информация» соотносится с лат. *informatio* – разъяснение, просвещение [Новейший словарь иностранных слов и выражений, 2002, с. 352]. В Большом энциклопедическом словаре оно интерпретируется как «общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передача признаков от клетки к клетке, от организма к организму; одно из понятий кибернетики» [Большой энциклопедический словарь, 2004, с. 455].

В двадцатом веке этот термин начали использовать в различных научных областях, где слово «информация» приобретало специфическое звучание: в *математических* теориях информация связана с абстрактными объектами, не существующими в физической реальности; в *физике* информацию рассматривают в одном ряду с веществом и энергией; в *кибернетике и теории информации* изучаются особенности природы, сущности и функционирования информации. В рамках этих дисциплин она рассматривается как сообщение, которое система получает из внешнего мира в процессе приспособления к нему. *Биологи, генетики и психологи* соотносят информацию с сигналами, импульсами и кодами (лауреат Нобелевской премии в области химии 2006 г. Р. Корнберг объяснил характер передачи генетической информации).

Информация связана с процессами управления и развития, способствующими устойчивости и выживаемости различных систем. Информация является противоположностью *энтропии*. Энтропия (*гр. – поворот, превращение*) – одно из фундаментальных свойств любых систем с вероятностным поведением. Энтропия выступает в качестве меры беспорядка, неопределенности. По мнению К. Шеннона, энтропия уменьшается с появлением информации. Согласно его теории, существует имманентная взаимосвязь информации и энтропии, что легло в основание его метода исчисления информации и определения единицы ее количества («бит»). В соответствии с положениями теории синергетики информационные процессы, свойственные живой и неживой природе, предполагают наличие структуры, упорядоченности и организации. Эти характеристики в равной степени свойственны информационной модели человека.

Самое общее определение информации, которое широко используется в современной философии, было предложено в 1973 г. отечественным ученым, профессором, исследователем философских проблем информатики, синергетики и кибернетики А. Д. Урсулом. Он понимает информацию прежде всего как отраженное разнообразие, нарушающее однообразие. Иными словами, информация представляет собой одно из универсальных свойств материи, отражение реального мира во всем его разнообразии.

То, что информация принадлежит объективной действительности, признают *атрибутивная* и *функциональная* концепции информации. Согласно первой, информация выступает атрибутом материи на всех уровнях ее существования. Этот взгляд носит онтологический характер и является сегодня достаточно распространенным. Согласно второй, информация

функционирует в самоуправляемых и самоорганизующихся системах, а в неживой природе она отсутствует.

Функциональная концепция подразделяется на кибернетическое и антропоцентрическое течения.

Сторонники антропоцентрических взглядов утверждают, что по своей природе информация социальна и связана исключительно с сознанием человека и развитием общества: «Согласно этой концепции, информация – компонент нашего бытия, реальность, но не объективная, а субъективная, относящаяся к области идеального. Это та реальность, которая определяет развитие и формирование всех субъектов органического мира. Хотя информация (как и все, что относится к области идеального) не существует вне и помимо материального носителя, она не материальна и не содержится ни в каких предметах (явлениях) материального мира, в том числе в кодах, знаках, программах, машинах, изделиях и т. д. Информация есть вспышка сознания, порождающая образ реального мира. Это неотъемлемый компонент (в виде субъективной реальности) на всех уровнях организации живой материи – молекулярном, клеточном, организменном, личностном, социальном» [Астахова, 2010].

Пока еще трудно сделать вывод о том, чья точка зрения по данному вопросу наиболее близка к истине: феномен информации продолжает оставаться предметом научных дискуссий.

На современном этапе развития научно-технической мысли одной из наиболее общепринятых аксиом стало утверждение, что информация является таким же неотъемлемым компонентом Вселенной, как материя и энергия.

Согласно рассуждениям российского ученого Р. Ф. Абдеева, изучающего мощные временные пласты информационной эволюции неживой и живой природы, мы стоим на пороге создания новой, *информационной картины мира*, которая призвана *отобразить развитие объективного мира как последовательность появления различных форм материи, как единый закономерный процесс возникновения и расцвета жизни и разума, человека и общества* [Абдеев, 1994, с. 188].

Считается, что в своем идеальном варианте информационную модель Вселенной должна отражать система средств массовой информации и коммуникации.

Авторы известного «Словаря массмедиа» раскрывают понятие «информация» как сообщение знаний или сведений. «Сокращение неопределенности, случайности или энтропии... какие-либо сигналы, звуки, знаки и так далее, которые переданы, получены или сохранены... количество материала, содержащегося в кадре пленки, на странице и т. д.» [Ellmore, 1992, p. 293].

Существует и юридическое, легальное определение информации, согласно которому информацией являются любые сведения вне зависимости от формы их представления.

В обыденной речи слово «информация» означает сведения о разнообразных явлениях и процессах, происходящих в природе и обществе. В этом контексте информация неотделима от деятельности людей, способных устно, письменно или каким-либо иным способом обмениваться друг с другом необходимыми сведениями. Поэтому в развитии общества *информация выполняет познавательную, интегративную, коммуникативную, инструментальную функции*. Нельзя не согласиться с петербургским ученым С. Г. Корконосенко, который пишет, что никто не способен приобрести необходимые ему знания о мире исключительно на основе своего непосредственного опыта. Ученый убежден, что для свободной ориентации индивида либо коллектива в окружающей его среде необходимы сведения, накопленные человечеством за всю его долгую многотысячелетнюю историю и непрерывно пополняемые сегодня. В связи с этим особую значимость приобретает социальная информация, которая «производится в процессе человеческой деятельности, отражает факты с точки зрения их

общественной значимости и служит для общения между людьми и достижения ими своих целей, обусловленных их социальным положением» [Корконосенко, 1995, с. 28].

Обладая таким прагматическим качеством, как *ценность*, информация тесно связана с потребностями, интересами и мотивами людей. Одни из наиболее существенных качеств информации, циркулирующей в обществе, – ее *новизна и достоверность*.

Вместе с тем, «в отличие от обмена, лежащего в основе большинства социально-экономических процессов и в принципе обратимого (например, торговый или культурный обмены можно ограничить, прекратить или наоборот – активизировать, расширить), распространение информации носит объективный, необратимый и универсальный характер. Эта особенность информации дает основания говорить об информационной природе человеческого общества» [Соколенко, 2002]. В данной трактовке информация представляет собой некий социальный инструмент, при помощи которого человечество обеспечивает себе существование и дальнейшее развитие.

В постпозитивистских концепциях¹ подвергается критике точка зрения, приверженцы которой считают, что информация является отражением реальности. Сторонники постпозитивизма объясняют это неопределенностью самого понятия «реальность». Социальной реальности, отмечают они, помимо людей, не существует и, соответственно, нет «объективных» законов человеческого поведения. По мнению тех, кто придерживается классических взглядов на познание мира, данный подход уязвим, потому что ведет к размыванию граней между субъектом и объектом познания.

Сегодня особую актуальность приобретает умение критически относиться к информации, особенно той, которая распространяется в сфере массмедиа. К сожалению, приходится констатировать, что сегодня далеко не все люди умеют критически оценивать поступающую к ним информацию. Зачастую они безоговорочно верят тому, что транслируется по телевидению либо написано в газетах или на страницах Интернета. Пассивное отношение к лавинообразно растущей информации способствует развитию «информационного тоталитаризма», ведущего к подавлению самостоятельной, критически мыслящей личности.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется вопросам *международной информации*, потоки которой обрели глобальный характер. Глобализация информационной среды по-разному влияет на человека.

С одной стороны, если раньше «заинтересованный субъект читал газету, журнал, смотрел телевизор, слушал радио и получал индивидуальную картину происходящего, то теперь данный субъект может обратиться к электронной медийной системе, которая выдает ему в значительной мере готовые количественные и качественные выводы, сделанные на основе анализа всего массива публикаций и передач» [Дзялошинский, 2013, с. 1]. Иначе говоря, индивид утрачивает способность самостоятельно отбирать и оценивать факты, события и явления.

С другой стороны, развитие сетевых технологий приводит к тому, что человек все интенсивнее включается в производство информации. Это означает, что увеличиваются его самостоятельность и активность в ходе осмысления мира, увеличиваются возможности общения с другими людьми. Какая из этих тенденций является доминирующей, зависит от сценария мирового развития, в частности от того, насколько реальным, а не декларативным окажется развитие демократии – как в масштабе отдельных стран, так и на мировой арене.

Рассматривая информационные процессы на международном уровне, И. Н. Панарин подчеркивает усиление внимания мировой политической элиты к феномену социальной информации, поскольку «социальная информация может являться индикатором (показате-

¹ Постпозитивизм – общее название нескольких школ философии науки, которые критически относятся к тем теориям, которые обосновывали получение объективного знания из опыта.

лем) функционирования мировой политики. Социальная информация все больше влияет на борьбу национальных политических элит» [Панарин, 2004, с. 177].

На циркуляцию социальной информации в пространстве мировой политики влияют несколько факторов: *уровни циркуляции* (национальный, региональный, континентальный, глобальный); *время циркуляции* (краткосрочное, среднесрочное, долгосрочное); *комментарий к информации* (позитивный, негативный, нейтральный); *способ доведения информации* (с помощью СМИ, через спецслужбы, через неформальные связи, с помощью дипломатических источников, через бизнес-структуры); *цель доведения информации* (убеждение, воздействие, ответная реакция, компрометация, создание новых ценностей и правил для политической элиты).

Как пишет отечественный исследователь международных информационно-коммуникационных процессов Ю. Б. Кашлев, проблематика международного обмена информацией обсуждается в большинстве всемирных организаций: «В ООН это происходит в основном по трем направлениям. Во-первых. Наиболее важные аспекты данной проблематики поднимаются на сессиях Генеральной Ассамблеи, где принимаются соответствующие резолюции <...>. Во-вторых, в структуре ООН имеется специальное подразделение – департамент общественной информации, который занимается в основном пропагандой деятельности Организации. В-третьих, существует Комитет ООН по информации, в котором представлены все члены Организации и который рассматривает отношения между государствами в этой области <...>. Вторая по значению всемирная организация – ЮНЕСКО – вплотную занимается проблемами коммуникации и массовой информации, проводит региональные и всемирные конгрессы на эту тему, готовит самые известные исследования, реализует Международную программу развития коммуникации (помощь в этой сфере развивающимся странам). Опросы информации и коммуникации присутствуют в деятельности Совета Европы (главным образом, через призму нарушений прав человека в области информации). Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе <...>. Информационные подразделения имеются практически во всех международных организациях, включая НАТО, Движение неприсоединившихся государств и т. д. <...>. В последние годы во многих международных организациях рассматриваются проблемы, связанные с Интернетом <...>. Не исключено, что в будущем может возникнуть идея объединения усилий и подразделений в этой области в новую единую всемирную организацию системы ООН по электронной информации» [Кашлев, 2002].

Хотелось бы отметить, что информационно-коммуникационные процессы, которые развертываются на международном уровне, носят весьма противоречивый характер. Они могут способствовать развитию сотрудничества между странами и народами, в то же время они очень часто приобретают характер информационно-психологических войн. Поэтому одной из важных проблем современности является проблема международной информационной безопасности.

Знак, значение, смысл

Для информационных процессов, связанных с деятельностью человека, наибольшее значение имеет такое понятие, как *знак*. Оно обозначает «материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения» [Кононенко, 2003]. Собственно человеческую высшую нервную деятельность связывают со второй сигнальной системой, которая оперирует знаковыми образованиями, отражая действительность в обобщенном и символическом виде. Обычно выделяют *иконические* (изобразительные), *конвенциональные* (условные, к ним относятся слова) и *индексальные* знаки (в их число входят, например, дорожные знаки). В некоторых исследова-

дованиях встречается классификация знаковых систем, которая включает в себя, соответственно, *знаки-модели* (изображения), *знаки-обозначения* (слова) и *знаки-символы* (например, знаки солнцеворота и др.).

В зависимости от способа их восприятия при помощи слуха, зрения, осязания (например, алфавит для слепых), обоняния, вкуса выделяются пять групп знаков. Установлено, что наиболее важны для человека слуховые и зрительные знаки, которые можно классифицировать в зависимости от способа их производства: *вокально-слуховые* и *инструментально-слуховые, преходящие* (зрительные, а иногда и слуховые), исчезающие сразу же после возникновения, *продолжительные* знаки, сохраняющиеся определенное время.

Преходящие зрительные знаки носят пространственный характер и включают в себя мимику и жесты. К *продолжительным* знакам относятся произведения изобразительного искусства, следы, дорожные указатели, гербы, военные знаки отличия и т. п. В систему продолжительных оптических знаков также входит письмо, генетически связанное с изображением обозначаемых предметов, а затем сблизившееся со звуковым языком.

В жизни человека особое место занимают *языковые знаки*. Между ними и обозначаемыми ими событиями нет видимой материальной связи, зато наличествует идеальная, социокультурная связь: «Пользователи языка (индивид, группа, общество) мысленно относят знаки к обозначаемому. Условием введения какого-либо соглашения об употреблении некоторого знака является присоединение его, хотя бы временное, к ранее принятым соглашениям. Чтобы изменить соглашение, необходимо неявно принять другие соглашения, а именно те, которые касаются употребления терминов (слов) и выражений, разъясняющих смысл нового знака» [Будко, 2007].

Знаки могут быть подразделены на *знаки естественных и научных языков*. К первым относятся слова, построенные в соответствии с правилами грамматики выражения, предложения и т. д. Искусственные языки применяются в науке. В искусственные знаковые системы включаются кодовые системы (азбука Морзе и др.), знаки для моделирования процессов и составления формул.

Знаки обладают *смыслом* – мнимым или реальным предназначением каких-либо вещей, слов, понятий или действий, заложенным личностью или общностью. Понятие смысла раскрывается как «сущность феномена в более широком контексте реальности. Смысл феномена оправдывает существование феномена, так как определяет его место в некоторой целостности, вводит отношения "часть – целое", делает его необходимым в качестве части этой целостности» [Шрейдер, 2000, с. 576].

Смысл непосредственно зависит от знаний о предмете, который, на первый взгляд, может выглядеть бессмысленным, если не понятно, как им пользоваться. Случается, что предмет кажется полезным, на самом деле таковым не являясь. То, что кажется вполне осмысленным одним, подчас выглядит бессмысленным для других.

Уникальным носителем смысла является язык: «Для народа, использующего определенный язык, каждое слово имеет свой смысл, свое назначение. Осуществляется передача какой-либо информации, достигается понимание людьми друг друга. Они могут обмениваться полезными знаниями о разных явлениях, предметах и событиях. Если бы языка не было, то смысл многих событий, которые были засвидетельствованы лишь отдельными людьми, оставался бы скрытым от других людей. События не стали бы полезными, а в случае приближения опасности люди не узнали бы о ней заранее и не успели бы подготовиться» [Язык: Википедия].

Проблема смысла входит в предметную область онтологии, теории познания и методологии науки. Таким образом, исследуются смысловые координаты бытия, источники и границы знания, выявляются особенности и возможности конкретного научного метода, его способности обеспечить решение сложных научных задач.

Проблемами смысла занимается *семиотика*, в рамках которой четко различаются понятия «*смысл*» и «*значение*». *Значение* рассматривается как ассоциативная связь между знаком и смыслом или мыслью. Понятие «*значение*» используется психологами, рассматривающими его в единстве взаимодействия сознания и деятельности. Согласно мнению А. Н. Леонтьева, значение является важной проблемой психологии сознания. Если чувственные образы придают реальность сознательной картине мира, то «*значения* преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, но язык – не демиург значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [Леонтьев, 2005].

Значение связано с субъективностью нашего сознания, которое проявляется в таком его компоненте, как личностный смысл, который формирует пристрастность человека. В условиях идейно-политического противостояния «личностные смыслы, отражающие мотивы, порождаемые действительными жизненными отношениями человека, могут не найти адекватно воплощающих их объективных значений, и тогда они начинают жить как бы в чужих одеждах. Нужно представить себе капитальное противоречие, которое порождает это явление. Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является "самоговорящим", т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне "готовых" значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [Там же].

В текстах, посвященных информационной тематике, часто встречаются термины, разграничить которые также представляется необходимым. Во-первых, это *данные* (от лат. *data*) – «представление фактов и идей в формализованном виде, пригодном для передачи и обработки в информационном процессе». Во-вторых, это *сообщение* – наименьший элемент языка, «имеющий идею или смысл, пригодный для общения. Обычно сообщение передается в виде предложения или условного знака» [Сообщение: Википедия]. Сообщение обладает своим жизненным циклом, который состоит из определенных этапов: кодирование отправителем идеи или мысли в сообщение, передача сообщения получателю, получение сообщения и декодирование его смысла.

Текст, гипертекст, дискурс

Текст является сложным уровнем организации информации. Текст определяется, как «последовательность осмысленных высказываний, передающих информацию, объединенных общей темой, обладающих свойствами связности и цельности» [Руднев, 1997, с. 305].

Категории цельности и связности являются основными признаками текста. *Цельность* – это смысловое единство текста, а *связность* – формальное выражение цельности. Статусу текста соответствуют результаты как письменной, так и устной форм речи, причем не только монологической, но и диалогической. Следует обратить внимание и на то, что в данном определении особо подчеркивается неразрывная связь текста и информации.

Текст обладает *планом содержания*, которым является сама мысль, и *планом выражения* – тем, что служит для выражения этой мысли: «План содержания – это предмет речи, результат взаимодействия значений языковых единиц, входящих в текст. Смысл тек-

ста – явление более высокого уровня, складывается из взаимодействия плана содержания с контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информацией, формирует идею текста» [Шевченко, 2000, с. 19].

В процессе коммуникации знак отражает единство содержания и выражения. Единицей плана выражения выступает код – буква алфавита, фонема, условное обозначение, музыкальная нота, фигура танца, цвет в живописи.

Согласно теории социальной коммуникации, разработанной профессором А. В. Соколовым, «всякий знак – это свернутый текст, скрытый в его значении, а всякий текст – элемент смыслового диалога, дискурса, постоянно ведущегося в обществе и между обществами, включая прошлые поколения» [Соколов, 2002, с. 10].

Считается, что мы живем в условиях смены речевых культур. Приходится признать, что эпоха, в которой речевая практика общества ориентировалась преимущественно на литературный художественный текст, постепенно уходит в прошлое. Речевая культура современной эпохи ориентирована в большей степени на медиатекст, т. е. на текст, сгенерированный системой массовой коммуникации. Необратимость и «одноразовость» текста не только вносят коррективы в его восприятие, но и в конечном счете ведут к изменению ментальности человека, для которого текст обретает преимущественно утилитарный смысл. В калейдоскопе быстро сменяющихся друг друга текстов их потребителю оказывается трудно самому воссоздать сколько-нибудь целостную картину мира. В условиях возрастающей виртуализации жизни у человека может возникнуть ощущение потери чувства реальности, все больше и больше обретающей иллюзорный характер: «Информационные образы объектов, персон и процессов теряют какую-либо связь с реальными образами» [Дзялошинский, 2013].

Сегодня широкое распространение получило понятие *гипертекста*. С одной стороны, в области компьютерных технологий он рассматривается как средство поддержания связей между информацией, хранящейся в разных файлах и на различных компьютерах. Известная аббревиатура HTTP (HyperText Transfer Protocol) переводится как Протокол передачи гипертекста.

Гипертекст понимается и в более широком значении – как способ установления взаимосвязи между различными артефактами культуры – т. е. между теми материальными и духовными продуктами, которые созданы человеком. Его рассматривают как универсальный информационно-коммуникационный комплекс, представленный в знаковой форме, обладающий значением и смыслом и распространяемый глобально. В научной литературе встречается и слово «*метатекст*» – своеобразный текст о тексте, поясняющий его происхождение и содержание гипертекста. С помощью современных компьютерных технологий он обретает многомерность, пространственную объемность.

Тесно связаны между собой понятия *текста* и *дискурса*. Иногда дискурс рассматривается как текст, обозначающий всю среду окружающей нас сложной смысловой культуры, формирующийся в ходе социальных взаимодействий, отражающий и продуцирующий действительность. Текст иногда определяется как имманентно связанная (и цельная) промежуточная стадия дискурса, любая протяженность, последовательность языковых знаков, заключенная между двумя остановками в коммуникации.

Несмотря на то, что понятие «*дискурс*» является весьма распространенным в исследовательской практике, его общепринятой дефиниции пока еще не существует. Дискурс (*фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus – бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор*) истолковывается как речь, процесс языковой деятельности, способ говорения. Дискурс выступает в качестве предмета исследования лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

В социогуманитарном знании дискурс рассматривается прежде всего как «социально обусловленная организация системы речи, а также определенные принципы, в соответствии

с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени» [Дискурс: Википедия].

В лингвистике дискурс интерпретируется как речь, которая реализуется в коммуникативной ситуации. В дискурсе «воплощается пространство социального взаимодействия, опосредуемое средствами того или иного языка» [Григорьева, 2007, с. 10]. Понятие «дискурс» отражает взаимосвязь речи и внешних факторов, влияющих на особенности этой речи. В различных дискурсах используются разные вербальные и невербальные средства. В современных исследованиях дискурс предстает как «речь, погруженная в жизнь»; как движение информационного потока между участниками коммуникации; как совокупность речемыслительных действий участников коммуникации, связанная с познанием, осмыслением и презентацией мира коммуникатором и восприятием картины мира реципиентом.

Представители школы постструктурализма подчеркивают социальный характер дискурса, обозначая его как определенный тип высказывания, характерный для конкретной группы или эпохи. По мысли М. Фуко, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретации мира и вытекающие из этого действия людей и формы организации социума, которые фактически формируют мир.

По словам В. Е. Морозова, «понятие дискурса стало одним из центральных не только для философии постструктурализма, но и в целом для наук о человеке и обществе <...>. Понятие дискурса, впервые подробно разработанное в «Археологии знания», отражает взаимосвязь и взаимное присутствие лингвистического в социальном и наоборот» [Морозов, 2009, с. 47].

Вопрос о соотношении дискурса, бытия, сознания и познания является сложным и дискуссионным. Дискурс представляет собой форму знакового отражения бытия, которая, будучи элементом надстройки, оказывает воздействие на процессы социальной жизни.

Знание, информация, коммуникация

Знание в широком смысле слова представляет собой совокупность понятий, теоретических построений и представлений. Понятие «знание» определяется как форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека. Оно рассматривается и как субъективный образ объективной реальности, то есть как отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Знание может трактоваться как глубокое понимание предмета, умение применять его на практике для достижения определенных целей.

Знание можно определить и как «закономерности предметной области (принципы, связи, законы), полученные в результате практической деятельности и профессионального опыта, позволяющие специалистам ставить и решать задачи в этой области» [Концепция развития в Самарской области информационного общества и формирования электронного правительства до 2015 г., 2007]. Кроме того, знание – это «проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в сознании человека. Знание противоположно незнанию, т. е. отсутствию проверенной информации о чем-либо» [Знание: Большая советская энциклопедия].

Важным представляется и то, что знание выступает как информация, о которой кто-либо осведомлен. В теории искусственного интеллекта оно трактуется как «совокупность сведений (у индивидуума, общества или у системы искусственного интеллекта) о мире, включающих в себя информацию о свойствах объектов, закономерностях процессов и явлений, а также правилах использования этой информации для принятия решений. Главное отличие знаний от данных состоит в их активности, т. е. появление в базе новых фактов или

установление новых связей может стать источником активности системы» [Знание: Википедия].

Необходимо выделить наиболее принципиальные аспекты понятия «знание» в контексте информационной технологии:

- знание как познание, т. е. научное знание;
- знание как сумма фактов или данных, т. е. информация;
- знание как сила, т. е. информационная власть или могущество.

Для характеристики соотношения знания и информации несомненное значение имеет такое понятие, как **факт**. Оно имеет много толкований. На быденном уровне слово «факт» (этимологически оно восходит к *лат. factum – сделанное, свершившееся*) употребляется в значении «истина, событие, результат». Как отмечают отечественные авторы, «понятие "научный факт" значительно шире и многограннее чем понятие "факт", применяемое в обыденной жизни. Когда говорят о научных фактах, то понимают их как элементы, составляющие основу научного знания, отражающие объективные свойства вещей и процессов. На основании научных фактов определяются закономерности явлений, строятся теории и выводятся законы» [Кузин, 1997, с. 54]. В постпозитивистских концепциях познания существует иное отношение к факту. Так, по мнению К. Поппера, теория, содержащая гипотетические построения, подтверждается исключительно эмпирическими фактами. В постмодернистском видении мира факт заменяется **симулякром** – образом, которому нет аналога в действительности, да и само понятие действительности ставится под сомнение.

Выше уже отмечалось, что информация – это сумма фактов, однако если эти факты подвергнуть углубленному анализу, то возникнет *научная информация*, необходимая для самых разных общественных нужд. Так, в сфере международных отношений если информацию собрать и обработать, руководствуясь теми или иными практическими целями (политическими – например, в дипломатии; экономическими – например, промышленный шпионаж), создается знание, которое может дать огромную власть в постиндустриальном обществе, где информация является как важнейшим сырьем, так и важнейшим товаром.

Объективная ситуация такова, что чрезвычайно усложнившиеся взаимоотношения с природной средой, высокая степень стохастических последствий технологического прогресса сделали необходимым резкое увеличение объемов знания, которое дает возможность контролировать ситуацию как социальную, природную, так и технологическую. Знания влияют на все стороны жизни и становятся важнейшим объектом потребления.

В условиях стремительного развития современной цивилизации все большее значение приобретают не столько материальные ресурсы, сколько виртуальные. И в этом смысле информация представляет собой важнейший ресурс, своего рода «интеллектуальную руду», из которой посредством анализа, сравнения и взаимодействия с уже существующей в воспринимающей системе информацией получается обогащенная, социально значимая информация. Информационное сырье поступает для обработки в информационные центры, где уже в систематизированном виде хранится в банках данных. Существует система как государственных, так и частных банков. Например, в США еще в 1988 г. Конгрессом было принято решение о коммерциализации баз данных. Все огромные файлы информации Госдепартамента были переданы в частный сектор для коммерческой эксплуатации. В связи с этим нужно особо подчеркнуть товарный, стоимостный характер информации.

Если продолжить эту мысль, то логично будет сказать, что наука – наиважнейший, наряду с техникой, фактор деятельного развития технологии – имеет отношение к миру знаний. Последнее обстоятельство имеет в современных условиях цивилизационного развития важнейшее значение.

Экспоненциальный рост науки в наше время делает технологию мощным фактором всеобщих изменений. При этом знания влияют на все стороны жизни и становятся важнейшим объектом потребления.

Чтобы лучше понять взаимосвязь информации и знания, приведем следующий пример. Так, слово на иностранном языке несет информацию, но чтобы она была значима для слушателя, необходима ее обработка. Однако не каждый человек знает иностранные языки, поэтому процесс преобразования информационного сырья в знания требует определенного интеллектуального уровня воспринимающего и перерабатывающего информацию субъекта. Знание – это уже осмысленная информация. Выражение – «информация к размышлению» – означает, что имеется определенный особый материал, сырье (информация), которое в результате переработки (с помощью естественного интеллекта – человеческий мозг; или с помощью искусственного интеллекта – компьютер) приобретает характер знания.

Информация неразрывно связана с *коммуникацией*. Коммуникация (связь) всегда была необходимым элементом общественной жизни. Наличие связи, адекватной социальным целям, – важнейшее условие нормального функционирования общества.

Проследивая этимологию слова «коммуникация», известный отечественный ученый Д. П. Гавра пишет, что это понятие, восходящее к латинскому «communico» (делаю общим, связываю, общаюсь), в европейских языках имеет общую генетическую основу – «акцент на обеспечение общности, связи между людьми. Эта этимологическая привязка к понятиям общности, связи, совместной деятельности... играет очень важную роль в современном научном понимании сущности коммуникационных процессов» [Гавра, 2005, с. 19].

В русском языке слово «коммуникация» появилось ориентировочно в конце XVII – начале XVIII вв. В первом российском словаре иностранных слов, в составлении которого участвовал Петр I, слово «Коммуникация» означало «переговоры», «сообщение». Позднее в знаменитом словаре В. И. Даля оно будет трактоваться уже как «пути, дороги, связи мест». В дальнейшем значение рассматриваемого понятия будет расширяться. И сегодня существуют различные толкования слова «коммуникация». Например, ее определяют как процесс использования языковых и неязыковых знаков в целях установления социального взаимодействия.

Как отмечает Д. П. Гавра, научное определение коммуникации должно строиться на основе прояснения сущностных характеристик категории коммуникации (взаимодействующие объекты, субстанция, характер взаимодействия). Исходя из этого, ученый предлагает два рабочих определения коммуникации. В широком смысле «коммуникация – это эффективное синхронное и диахронное взаимодействие субъектов из мира живой природы, способных к автономному поведению, сущность которого составляет движение от одного субъекта (источника) к другому (получателю) информации, имеющий смысл для обоих субъектов (коммуникационной субстанции или сообщения в идеальной или идеально-материальной форме) <...>. В узком смысле под коммуникацией следует понимать эффективное синхронное и диахронное взаимодействие социальных субъектов (людей и (или) их общностей), сущность которого составляет движение от одного субъекта (источника) к другому (получателю) имеющей для них смысл информации (коммуникационной субстанции или сообщения в идеальной или идеально-материальной форме)» [Гавра, 2005, с. 53–54].

Одним из наиболее близких к понятию «коммуникации» является понятие «общение». Содержанием *общения* – обмена сведениями с помощью языка или жестов – является информация, которая неотделима от деятельности людей, способных устно, письменно или каким-либо иным способом обмениваться друг с другом необходимыми сведениями. Распространение информации истолковывается как процесс, способствующий тому, чтобы индивид мог поделиться друг с другом информацией, идеями и установками. Следует обратить внимание

и на тот факт, что англоязычная трактовка понятия «коммуникация» во многом совпадает с русскоязычным пониманием слова «информация».

Особый вид общения представляет собой коммуникационная деятельность, содержание которой составляет передача информации от источника (коммуникатора) к получателю (реципиенту) с помощью определенного канала. Между коммуникатором и реципиентом может осуществляться «обратная связь» – процесс, в ходе которого коммуникатор узнает о том, с какой степенью полноты информация была получена и освоена реципиентом.

При рассмотрении вопросов, связанных с процессом коммуникации, необходимо обратить внимание еще на два взаимосвязанных понятия – *коммуникативное действие* и *коммуникативная личность*. Оба приводятся в трактовке Д. П. Гавры. Коммуникативное действие – это действие социального субъекта, связанное с выполнением им функции источника либо получателя сообщения. В широком смысле понятие «коммуникативная личность» равнозначно понятию «личность», а в узком оно определяется как устойчивая система «социально значимых (свойств и) качеств, характеризующих индивида как субъекта социальной коммуникации (коммуникативного актора)» [Там же, с. 56, 75].

Как уже отмечалось, информация и коммуникация образуют органичное единство, которое проявляется и на международном уровне. *Международные информационные процессы* тесно связаны с международной коммуникацией. В самом сжатом виде под *международной коммуникацией* принято понимать коммуникацию, которая осуществляется, минуя границы национального государства. Данное определение принадлежит американскому ученому Р. Фортнеру, который обозначает некоторые характеристики, обуславливающие специфику международной коммуникации: это преднамеренное или непреднамеренное распространение информации; наличие публичных или частных каналов ее распространения; использование различных технологий; разнообразие содержания и форм его передачи; культурные последствия и политическая природа международной коммуникации.

По мнению Р. Фортнера, трудно обнаружить истоки международной коммуникации. Она возникла одновременно с появлением национальных государств и даже раньше, потому что великие государства древности – Греция, Рим, Египет, Вавилон нуждались в средствах осуществления коммуникации на огромных территориях, включающих множество различных политических, лингвистических и культурных образований.

Р. Фортнер называет международную коммуникацию одной из самых интересных исследовательских проблем, потому что ее изучение затрагивает множество вопросов, возникающих один за другим и касающихся политической, экономической, социальной, культурной, технической и военной сфер международной жизни. Международная коммуникация, по его словам, фокусирует внимание на таких важных аспектах, как права человека и право интеллектуальной собственности [Fortner, 1993, p. 1–10].

Особое значение приобретает рассмотрение такого феномена, как **массовая коммуникация** (иногда в социогуманитарной научной литературе речь идет о *массовых коммуникациях*). Оба эти слова часто употребляют как синонимичные. Самое общее определение массовых коммуникаций сводится к следующему: «Массовые коммуникации (МК) являются одним из видов коммуникаций и определяются как процесс производства и передачи сообщений большим массам людей, рассредоточенных в пространстве и времени, с помощью специальных технических средств» [Яковлев, 2007, с. 3].

Д. А. Ольшанский определяет массовую коммуникацию как особый вид человеческой жизнедеятельности, осуществляемый в целях воздействия на никоим образом не связанных между собой индивидов и социальных групп ради массовизации их сознания и поведения. М. Вебер прямо рассматривал прессу как «капиталистическое предприятие». Р. Парк, Ч. Кули, У. Липпман трактовали массовую коммуникацию как особый способ общения масс, возникающей на волне индустриализации и урбанизации «коллективной группировки», объ-

ект интересов членов которой лежит вне широкого разнообразия локальных групп и культур, к которым они принадлежат. По мнению Д. А. Ольшанского, массовая коммуникация, во-первых, «объективно является особым способом общения отдельных индивидов, неизбежно способствующим их самоорганизации в массу. Это мало зависит от коммуникатора. Во-вторых, помимо такой совершенно объективной и как бы вынужденной для коммуникатора функции формирования естественных масс (без осуществления этой функции просто не было бы массовой коммуникации как особого феномена), массовая коммуникация может формировать и массы искусственные. Этот уже субъективный процесс в основном зависит от коммуникатора. Он происходит в ходе осуществления двух последних функций и связан с манипулированием возникшим в результате осуществления первых функций массовым сознанием» [Ольшанский, 2002, с. 294].

В теории массовой коммуникации принято выделять три вида массовой коммуникации:

- 1) печатные (книги, журналы, газеты);
- 2) электронные (радио, телевидение, Интернет);
- 3) «химические» (кино, фото).

Соответственно, существуют и три типа массовой коммуникации:

- 1) линейная – направленная в одну сторону без обратной связи с реципиентом;
- 2) интерактивная – предусматривающая обратную связь между коммуникатором и реципиентом, приводящую к одноразовой смене их ролей (сегодня значение этой модели возрастает);
- 3) транзакционная – предполагающая многократную, попеременную смену ролей коммуникатора и реципиента.

Ряд авторов выделяют следующие функции массовой коммуникации: *информационная, аналитическая и развлекательная*. Сегодня мы говорим об *инфотэйнменте* – сложном переплетении информирования и развлечения. Отличительной чертой *интерактивной модели массовой коммуникации* исследователи считали гомеостатическую, отсроченную обратную связь. Но сейчас реакция на событие, о котором сообщают электронные СМИ, передающие информацию в режиме реального времени, может быть очень незначительно отсрочена от момента получения сообщения.

Массовая коммуникация существенно отличается от других видов коммуникации – внутриличностной, межличностной и групповой: *внутриличностная* коммуникация имеет место тогда, когда человек ведет внутренний диалог с самим собой, *межличностная* – когда общаются два или три человека, *групповая*, соответственно, предполагает общение между группами. Еще несколько лет тому назад можно было добавить в это определение фразу о том, что в ходе межличностной и групповой коммуникации люди находятся в одном и том же времени и в одном и том же пространстве, а их общение отличает непосредственная, обратная связь, для которой не требуются технические каналы и средства. Сейчас ситуация изменилась, и компьютерная техника и технологии позволяют реализовать межличностное и межгрупповое *общение в сети*. Участники таких видов общения могут почти одновременно находиться в разных географических и, соответственно, часовых поясах. *Виртуальная обратная связь*, хотя и обусловлена технически, по своему интеллектуальному наполнению фактически оказывается цифровым аналогом непосредственной обратной связи.

Представляется необходимым обратить внимание на то, что массовую коммуникацию обычно соотносят с деятельностью «старых» медиа. «Новые», электронные медиа по своей природе обладают свойством интерактивности в значительно большей степени.

Как отмечает И. П. Яковлев, процесс массовой коммуникации проходит в своем развитии четыре стадии: отбор, создание, восприятие и распространение сообщений. Первый

этап описывает теория «привратника», второй – теория «повестки дня», третий – «теория культивации», четвертый – «теория эффектов массовой коммуникации».

Теория «привратника» базируется на положении о том, что не все располагают равными возможностями в отборе информации, которая должна стать предметом гласности. У каждого информационного «входа» находятся «привратники», пропускающие либо не пропускающие сообщения.

Теория «повестки дня» устанавливает приоритетность сообщений, которые обладают наибольшей важностью для тех или иных групп людей. Особо выделяется «медиаповестка», включающая в себя вопросы, которые подлежат обсуждению в СМИ.

Теория культивации рассматривает СМК как систему повторяющихся образов и представлений, воздействующих на аудиторию: «Основным методом воздействия является "рассказывание историй". Особенно преуспело в этом телевидение. Человек попадает в плен искусственного мира, создаваемого историями и все больше времени живет в нем» [Яковлев, 2007, с. 28].

Теория эффектов массовой коммуникации исследует условия и факторы, способствующие достижению когнитивных (рациональных), аффективных (эмоциональных) и поведенческих эффектов воздействия средств массовой коммуникации на сознание людей.

Исследования международной массовой коммуникации как субдисциплины теории международных отношений сегодня претерпевают существенные изменения. Недавно обнаруженная способность информации не только отражать, но и конструировать реальность подтолкнула исследователей к изучению баланса между аккумуляцией и конструированием знания. Событие заменило факт среди основных объектов анализа, на которых фокусируется дисциплина. Появление интерактивных технологий сделало взаимозаменяемыми источники и получателей информации, другими словами, привело к тому, что акторы коммуникации утратили свою первостепенную важность как предмет изучения.

Сегодня можно сказать, что сообщение и канал коммуникации заняли место основных объектов анализа рассматриваемой субдисциплины. Приведенные рассуждения подтверждают, что исследования международной коммуникации являются динамично развивающейся областью социально-гуманитарного знания, которая отражает изменения, свойственные современным информационно-коммуникационным процессам.

1.2. Информационные процессы в контексте глобализации: пространственно-временные аспекты

Информация является неотъемлемой частью истории человечества. На заре цивилизации существовали материальные носители информации, которые были предназначены для ее распространения в пространстве и сохранения во времени. Так, например, благодаря надписям и рисункам на стенах величественных египетских дворцов и пирамид, которые создавались в расчете на вечное существование (сопоставимое с масштабами Хроноса – бесконечно длительного времени), сегодня мы получаем сведения о жизни одного из величайших государств глубокой древности. Для фиксации сведений использовались также другие, различные по своей долговечности материалы: глина, металл, папирус, береста, воск. Свиток папируса или берестяную грамоту было легко переносить и перевозить, т. е. перемещать на большее или меньшее расстояние.

И сегодня пространственно-временная определенность является сущностной характеристикой средств информации. Категория времени – одна из важнейших и для понимания процессов, происходящих на уровне мирового сообщества. Из современной науки исключены понятия абстрактного пространства и абсолютного времени. Зависимость пространственно-временных свойств от характера движения и взаимодействия материальных систем подтвердила правильность трактовки пространства и времени как основных форм существования материи, в качестве содержания которых выступает движущаяся материя. «Нет материи, лишенной временных и пространственных характеристик, и нет пространства и времени вне движущейся материи» [Ивашковская, Павлов, 2000, с. 25].

Пространственно-временные отношения специфично проявляются на разных уровнях реальности: в живой природе, социальной действительности, микропроцессах, макропроцессах и мегапроцессах, в связи с чем специально анализируются биологическое время, психологическое время, социальное пространство-время и другие виды времени и пространства.

Согласно прогнозам Э. Тоффлера, постоянно убыстряется темп перемен: «Возрастающая скорость перемен нарушает наше внутренне равновесие, преобразуя сам способ переживания жизни. Внешнее ускорение превращается в ускорение внутреннее. Это можно проиллюстрировать, хотя в весьма упрощенном виде, если мы представим жизнь одного человека как большой канал, по которому течет опыт. Этот поток опыта состоит из бесчисленных "ситуаций". Ускорение перемен в окружающем обществе резко изменит поток ситуаций, идущих через этот канал» [Тоффлер, 2004, с. 45].

Стоит отметить, что скорость изменений не для всех одинакова. Это, собственно, не противоречит утверждению психологов о биологическом, социальном и психологическом измерении возраста человека. Причем психологический возраст, как пишут ученые, принципиально обратим, многомерен, а его пласты даже в жизни отдельной личности могут не совпадать (мы ощущаем полную реализованность одной жизненной программы и незавершенность другой).

Сходные явления присущи и социуму. Одним группам, слоям, классам, социальным институтам присущи жесткие ускоренные *ритмы* жизнедеятельности, другим – плавные и замедленные. Так, рассматривая процессы функционирования массмедиа, можно отметить, с одной стороны, динамичную жизнь одних печатных изданий и радио- и телестанций, а с другой стороны – размеренную, «устоявшуюся» деятельность других.

Применительно к системе международных отношений можно выделить в первую очередь «внутреннее время», связанное со сменой ее состояний. Видимо, и «внутреннее время» неоднородно по своему наполнению, как неоднородны сами структурные элементы, компо-

нующие эту систему. Достаточно вспомнить соответствующую терминологию, характеризующую разные состояния государства – «догоняющие», «движущиеся рывками» и т. д. В полной мере это можно отнести к России, которая «изобилует множеством внутренних конфликтов на почве вынужденных, догоняющих модернизаций» [Крамник, 2000, с. 46].

Согласно теоретическим воззрениям профессора К. С. Гаджиева, любая цивилизация имеет собственное понимание и измерение времени. Он пишет о том, что «в социально-историческом мире эйнштейновская теория относительности времени выразилась, в частности, в существовании множества национальных и цивилизационных летоисчислений»; сейчас эти различия словно нивелируются, уступая место принципу синхронности [Гаджиев, 2000, с. 66]. Заметим, однако, что это не устраняет парадоксов и противоречий в нынешнем восприятии времени.

Согласно прогнозам Э. Тоффлера, в XXI в. множество обитателей нашей планеты – даже тех, кто живет в благополучных странах, окажутся в серьезном разладе как с будущим, так и с прошлым. Первое наступит слишком быстро, и большинство окажется к нему не готовым. Второе, несмотря на слишком резкий разрыв с предшествующим опытом развития человечества, все сильнее станет влиять на нас, ближе придвигаясь к современности. Эту ситуацию американский ученый назвал «скачком времени». Изменится и наполнение того хронологического промежутка, который располагается между прошлым и будущим.

Речь идет о настоящем, вместившем в себя и «вчера», и «завтра», т. е. о «сокращенном настоящем». Тоффлер делает прогноз: восторжествует концепция временности или новой «краткости», которая непременно будет вызывать чувство непостоянности; усилится роль социально адекватной «ожидаемой длительности» явлений и событий. «Эта ожидаемая длительность, разная в каждом обществе, но воспринятая с ранних лет и глубоко укоренившаяся, сотрясается, когда изменяется темп жизни. Этим объясняется решающая разница между теми, кто остро страдает от убыстрившегося темпа жизни, и теми, кто явно подпитывается этим» [Тоффлер, 2004, с. 56].

Массмедиа, содержащие все типы информации, ориентируются сегодня на распространение прежде всего новостных потоков, фокусируют внимание массовой аудитории на сиюминутном отражении мира, которое становится решающим. В подобной ситуации старым и новым медиа не так сложно навязать массовому сознанию представление об исчерпанности (по крайней мере, в планетарных масштабах) пространственно-временного континуума, о «застревании» человечества на уровне *«всегда и везде»*. Не заменит ли тогда эта формула уже вошедшее в привычку выражение *«здесь и теперь»*?

Информационно-коммуникационные процессы также связаны с разновременностью, которая обусловлена, например, характером производства, передачи и потребления информации в традиционных и модернизированных обществах. Она присуща социальным образованиям, отличающимся «возвратным» движением в сторону утраченной архаичности. Даже концепция информационного общества, базирующаяся на идее всеобщего, максимально широкого доступа к знаниям, признает закономерным и естественным наличие определенного процента аутсайдеров, по тем или иным причинам отстраненных от источников информации и выброшенных не столько из какого-то определенного пространства, сколько из своего социального времени.

По мнению петербургского исследователя К. С. Пигрова, в каждой культуре и в каждом крупном политическом движении есть свой Кайрос. Он утверждал, что в России начала XXI в. Кайрос трех крупных политических сил обозначал *«находящуюся в прошлом»* (что принципиально) «полноту времен» [Пигров, 2005, с. 160].

В трудах Ю. Хабермаса нашел отражение феномен «обратной перемотки», который был характерен для догоняющих революций, произошедших на востоке Центральной Европы и в ГДР. В Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии, где «революцион-

ные изменения сгустились в революционные события, в высшей степени отчетливо артикулируется желание найти конституционно-политическую привязку к наследию буржуазных революций и социально-политическую привязку к коммуникационным и жизненным формам развитого капитализма...» [Хабермас, 2005, с. 149].

Говоря об основных характеристиках хронологических аспектов информационного общества, нельзя не упомянуть и о таком понятии, как «*эпоха*», которое дает возможность понять основополагающие черты развития общества на том или ином длительном временном отрезке. Как правило, начало новой эпохи ознаменовано революционными качественными преобразованиями. В последнее время все отчетливее формируется позиция, согласно которой не социальные и не технологические революции, взятые сами по себе, а *революции информационные* характеризуют наиболее крупные переломные эпохи в развитии человечества.

История и предыстория глобализации вместили в себя несколько информационных революций, которые привели к кардинальным изменениям в области хранения, обработки и передачи информации. Так, американский ученый Д. Робертсон выделяет стадии информационного развития человечества [Robertson, 1990]:

- первая – связана с изобретением языка;
- вторая – с письменностью;
- третья – с книгопечатанием;
- четвертая – с эрой электрических систем связи, расцвет которой – создание электронно-вычислительных машин и новых типов коммуникаций.

К данной периодизации можно было бы добавить еще одну стадию (или революцию), которая связана с развитием *сетевых технологий* и возникновением *виртуальных сетевых сообществ*. В них сегодня представлены основополагающие элементы гражданского общества.

Позиция Д. Робертсона во многом перекликается с точкой зрения известнейшего создателя технологических концепций Д. Белла. Он, в свою очередь, выделил три технологические революции (за период XIX–XX вв.), из них последняя «информационная» совпадает по характеристикам с четвертой стадией информационной теории Д. Робертсона.

Глобализационные и информационные процессы невозможно отделить друг от друга. Они органично вписываются в ту периодизацию цивилизационного развития, которая получила признание в культурологии и подразделяет культурный процесс на три этапа:

- 1) эпоха дописьменной культуры (от неолитической революции до четвертого – третьего тысячелетия до н. э.);
- 2) эпоха письменной культуры (с момента изобретения письменности до настоящего времени);
- 3) эпоха послеписьменной, или электронной, культуры.

Каждому из этих этапов соответствуют глубокие сдвиги в области информации и коммуникации.

Дописьменная культура дала миру те знаковые системы, вне которых невозможно протекание информационно-коммуникационных процессов в человеческом обществе. Именно в это время человек ощутил универсализм слова, способного передать смысл, единый для всех членов той или иной группы. Устная речь на многие столетия станет ведущим средством передачи социальной информации. В русле письменной речи продолжили свое развитие устные формы распространения информации, достигшие подлинного совершенства в риторике, которая, по выражению древнегреческих философов, являла собой «штурвал в руках политиков». Но постепенно письменные тексты (прежде всего священные) доказали свои права в качестве хранителя исторической памяти, ознаменовав переход к линейному восприятию времени (в цепочке прошлого, настоящего и будущего), и стали культурным

кодом эпохи – тем важнейшим системообразующим компонентом культуры, без которого ее существование было бы невозможным.

Многие священные тексты эпохи письменной культуры, которые образовали культурный код того времени, предназначались лишь для очень узкого круга посвященных. Повседневные тексты, циркулирующие в различных сферах жизнедеятельности человека, шаг за шагом приобретали все более доступный характер. Известно, что Древний Рим вплотную подошел к созданию газеты, провозвестниками которой стали «Акта дьюрна» и «Акта сенатус», сообщавшие злободневные сведения, которые интересовали читающую публику. Записки о военных походах, историография, мемуаристика, переписка римских вельмож с наместниками далеких провинций – все это легло в основу будущей прессы.

Для развития информационно-коммуникационных процессов эпохи письменной культуры непреходящим значением обладают периоды Возрождения и Реформации. Крупнейшие торговые и университетские города Европы одновременно становятся центрами, где производятся, собираются, распространяются и продаются рукописные новости, которые обретают стоимость.

С периодом Реформации известный канадский ученый М. Маклюэн связывает возникновение «Галактики Гутенберга» – системы информации и коммуникации, скорость расширения которой постоянно увеличивается. Печатный станок (его изобретение считают первой революцией в обмене информацией) ученые называют технологическим достижением, открывшим путь к информационному обществу.

Пришедшее на смену рукописному производству текстов книгопечатание позволило расширить круг читательской аудитории, которую еще нельзя было назвать массовой. Но шаг в сторону массовизации информации и коммуникации был сделан. Новая технология очень быстро стала использоваться в целях пропаганды.

Существует точка зрения, что *знание обрело информационную форму, когда в эпоху Просвещения научный текст начал играть роль культурного кода*. Считалось, что предназначение журналистов состоит в компетентной и добросовестной передаче читателям добытого учеными знания, в первую очередь экспериментально выверенного. Естественно, содержание газет и журнальной периодики не ограничивалось только отчетами о последних научных достижениях и политических событиях. Оно включало в себя (и по сей день продолжает включать) сведения о повседневных интересах людей.

Новый этап развития информационно-коммуникационных процессов и всей письменной культуры в целом был связан с XIX в. Это столетие было ознаменовано изобретением *телеграфа, телефона и радио* – тогда еще называвшегося беспроволочным, или беспроводным, телеграфом. Они с разной скоростью внедрялись в жизнь, но уже изначально их значение для развития информационно-коммуникационных процессов было неоспоримо. Существенно изменилась техника производства печатной продукции, появились новые средства ее распространения. Увеличились тиражи печатных изданий и ускорились темпы их доставки читателям. Когда был проложен телеграфный кабель под Ламаншем, стали говорить о том, что пространство и время исчезли.

Массовая культура и массовая коммуникация – во всей сложности и противоречивости этих феноменов – достигли своего апогея во второй половине XX в. Они изменили характер формирования картины мира в сознании людей. В то же время обозначились и негативные черты этих феноменов, критика которых была связана с коммерциализацией массовой культуры, сердцевиной которой стали массмедиа. Серьезные опасения вызвала эскалация пропаганды и психологических войн в условиях существования биполярной системы международных отношений.

Вторая половина XX в. – сравнительно небольшой исторический промежуток, вместивший в себя новую технологическую революцию и информационный взрыв, сопровож-

давшийся экспонентным ростом информации, оказался поистине переломным и стал эпохой перемен. Спутниковое телевидение, оптико-волоконная кабельная связь, компьютер и мультимедиа создали новые условия для осуществления коммуникации.

Эпоха электронной культуры все настоятельнее заявляет о себе. По прогнозам ученых, в будущем произойдут серьезные перемены не только в экономике, политике и культуре, но изменится и сам человек. Усилится связь рационального и эмоционального, понятийного и образного в сознании личности, а восприятие времени утратит свой линейный характер.

В данном контексте небезынтересно мнение о том, что сегодня возникает еще одна проблема темпоральности, связанная с характером нашего *восприятия* и *мышления*, которым свойственны последовательность и одновременность. Если производство, распространение и чтение книги требовало последовательности, то «распространение электронных средств коммуникации делает для все большего числа людей само собой разумеющимся выбор одновременности в качестве ведущего режима восприятия и мышления. Это не может не выражаться в снижении интереса к культуре чтения, требующей линейной последовательности, что выражается в появлении множества печатных изданий, где каждое сообщение выступает в качестве значимого самого по себе» [Терин, 2013].

Пока нет полного единства мнений по поводу облика новой электронной цивилизации. Ряд ученых полагают, что общество станет атомизированным, а средства информации утратят массовый характер, и это даст толчок к развитию демократии. С точки зрения других – мир может оказаться на новом витке информационного тоталитаризма. Движение одних стран по направлению к ценностям постмодерна соседствует с откатом других в сторону традиционализма. Видимо, сторонники синергетического подхода усмотрели бы в нынешней эпохе ту хаотичность, которая продуцирует новую определенность.

Существует мнение, что теоретики информационного общества пытаются искусственно разрывать, делить на части, *квантифицировать* информационные процессы, вместо того чтобы рассматривать их в исторической преемственности. Ф. Уэбстер на основе критического анализа концептуальных оснований информационного общества выражает сомнение в том, что в современных условиях произошел системный разрыв с прошлым и возник принципиально новый тип общества. Спираль исторического развития свидетельствует о том, что реальность, обозначенная понятием информационного общества, скорее закономерность, чем исключение из правила. К тому же пятьдесят лет – слишком незначительный срок, чтобы говорить о завершенности тех или иных социокультурных и политико-экономических процессов, которые способны привести к масштабным качественным переменам, ведущим как в сторону прогресса, так и в сторону регресса.

Некоторые ученые полагают, что под воздействием глобальных информационных процессов начинают вызревать и новые виды общения, что служит не только основой для последующих социальных изменений, но и ведет к качественному преобразованию структуры международных отношений. По утверждению петербургского исследователя В. П. Талимончик, «инфокоммуникационная революция свидетельствует о радикальных изменениях в жизни общества, преобразовании традиционных групп общественных отношений, а также появлении новых групп (электронной коммерции, электронного правительства, электронной медицины, дистанционного образования и т. п.)» [Талимончик, 2013, с. 3]. В результате напрашивается вполне закономерный вывод о том, что в современном мире информационные отношения лежат в основе экономических, политических, социальных и культурных отношений. К этому можно добавить, что темп информационных отношений имеет принципиальное значение для нарастающего ускорения жизни человечества.

Временные характеристики информационных процессов с нарастающей скоростью менялись в условиях глобализации. Представляется оправданной позиция ряда авторов, которые считают, что в глобализации можно выделить:

- *праисторию* (от неолитической революции до Осевого времени);
- *предысторию* (до первых промышленных революции и эпохи Просвещения);
- *собственно историю* (последние 200 лет).

По мнению американских ученых М. Теграняна и К. Теграняна, занимавшихся изучением современных модернизационных процессов, насчитывается семь типов *модернизации*, которые хронологически расположены следующим образом:

- 8000 лет до н. э. – 1492 г.;
- 1492–1648 гг.;
- 1648–1848 гг.;
- 1848–1945 гг.;
- 1945–1989 гг.;
- 1989 г. – настоящее время;
- будущее время.

Каждый из этих периодов отличается глубокими экономическими и политическими преобразованиями, переменами в социокультурной и этнокультурной сферах. Все они отличаются нарастающим движением к демократизации, которое наталкивается на противодействие бюрократических, авторитарных и тоталитарных структур.

Период начала информационной революции соотносится с шестым типом модернизации, согласно предложенной М. Теграняном и К. Теграняном классификации. Будущие социально-политические катаклизмы будут разворачиваться именно в информационной сфере, точнее в компьютерных сетях.

При всех различиях концептуальных воззрений представители научного сообщества (как отечественные, так и зарубежные) солидарны в том, что современный глобализационный процесс характеризуют три универсальных признака:

- 1) интеграция (объединение);
- 2) транспарентность (проницательность);
- 3) гомогенность (однородность).

Технико-экономические параметры информационных процессов

Аксиоматичным стало утверждение о том, что любая революция реализуется в материальной сфере, прежде всего в производственной. Меняются технологические уклады жизни общества. Их развитие становится мощным двигателем глобализации.

Традиционно используются два определения понятия «*техника*»:

- совокупность навыков, мастерства, появляющихся в той или иной производительной деятельности;
- совокупность артефактов (инструментов, механизмов, сооружений и пр.), используемых для создания других артефактов, способных удовлетворять самые разнообразные потребности – от материальных до духовных.

Понятие «техника» этимологически связано с понятием «*технология*». Важно подчеркнуть, что для понятия «технология» первоочередным является набор технических операций и навыков, последовательно реализуемых в пространственно-временных параметрах. По мнению А. Ракитова, «технология неосуществима без техники, техника же без адекватной ей технологии бесполезна или неэффективна. Техника и технология принадлежат к разным мирам: техника – к миру вещей, технология – к миру деятельности» [Ракитов, 1991, с. 15].

Если в индустриальный период рынки развивались за счет открытия новых континентов и захвата колоний, то в информационном обществе потенциальным рынком становится

пространство нашего знания. В индустриальном обществе ведущими отраслями производства были машиностроение и химическая промышленность, а в информационном на первый план выходит интеллектуальное производство: обработка информации и производство знаний. Если основной производственной единицей индустриального общества была фабрика, то в условиях информационного общества эта функция выполняется информационным центром, состоящим из банков данных и коммуникационных сетей.

Развитие информационных процессов ученые связывают с определенным *экономическим укладом*. По их мнению, конкретному хронологическому периоду соответствует несколько экономических укладов, которые обладают своей особой преобладающей инфраструктурой и ведущими отраслями хозяйства:

- первый уклад (конец XVIII – начало XIX вв.; дороги, ирригационные каналы; сельское хозяйство, текстильная промышленность);
- второй уклад (вторая половина XIX в.; железные дороги, судоходные линии; легкая промышленность, металлургия, химия, судостроение, общее машиностроение);
- третий уклад (конец XIX в. – середина XX в.; энергосистемы, почта, телеграф, радиосвязь, телефон, железные дороги; химия, металлургия, машиностроение, топливно-энергетический комплекс, электроника);
- четвертый уклад (30–80-е гг. XX в.; скоростные автодороги, энергосистемы, трубопроводы, радио и телевизионная связь, судоходные и авиалинии; электроэнергетика, точное машиностроение, производство новых синтетических материалов, приборостроение, радиоэлектроника);
- пятый уклад (80–90-е гг. XX в.; средства телекоммуникации, компьютерные сети, спутниковая связь; микроэлектроника, информатика, биотехнология, аэрокосмическая промышленность);
- шестой уклад (начало XXI в.; Интернет, глобальные энергосистемы, экологические системы, авиалинии; информатика, геновая инженерия, образование, здравоохранение, электроника, коммерция).

Начало становления информационного общества в этой схеме соотносится с пятым укладом, ядро которого составляют в первую очередь микропроцессорная техника и геновая инженерия микроорганизмов. Именно в это время происходит информатизация первого уровня, компьютеризация, создание баз и сетей данных.

Продвижение в сторону информационного общества осуществляется в тесной связи с появлением новых технологий:

- в производственной сфере (производство робототехники, малоотходных и энергосберегающих технологий, новых материалов, в том числе керамики, пластмасс и т. д., развитие телекоммуникации, космической связи, информационных систем и баз данных);
- в непроизводственной сфере (расширение научных исследований в области компьютеризации и автоматизации систем управления, лазерных технологий, бытовой радиоэлектроники и средств информатики в образовании и культуре). Сегодня страны мира с разными темпами приближаются к вхождению в экономику шестого уклада, контуры которого, по прогнозам ученых, должны были начать обозначаться в последние несколько лет.

Все эти аспекты неразрывно связаны между собой: «Если в период между 1600 и 1870 гг. доминировала "капиталистическая экономика" в границах нарождающихся национальных государств, а в 1870–1970 гг. – "политическая экономика" в рамках системы международных экономических связей, то сейчас наступает третья фаза – фаза "культурной экономики", в которой при исчезновении физических границ производство все более ориентируется на индивидуальные вкусы и потребности» [Глобализация: Контурсы XXI века, 2004, с. 62].

На повестку дня нынешней мировой экономики выдвигается «организационный экumenизм», предполагающий общие управленческие принципы. В области торговли полная свобода обмена сменяется введением минимальных тарифных барьеров и возникновением существенных культурных барьеров. В сфере производства мировое социальное разделение труда уступает место техническому, усиливается децентрализация труда, а передвижение рабочей силы все активнее регулируется государством.

Электронная технология меняет привычный образ производственной деятельности человека. Поскольку информация становится важнейшим сырьем, то с очевидностью возрастает значение высококвалифицированного труда. Как отмечал западный исследователь Р. Коэн в докладе «Социальные последствия современного технического прогресса» (симпозиум ЮНЕСКО, 1985), в наше время уже никто не сомневается в преимуществах, которые дает интеллектуальное развитие. В отличие от специфического разделения труда в промышленном производстве, современная научная специализация направлена не на замену квалифицированным трудом неквалифицированного; скорее, напротив, более специализированный и квалифицированный научный труд вытесняет менее специализированный и менее квалифицированный.

Если первая волна машин появилась для замены физического труда машинным, то вторая волна интеллектуальных электронных устройств была призвана облегчить, улучшить и даже заменить умственный труд человека. По мнению западного ученого Т. Стоуньера, соединение человеческого индивидуального и коллективного интеллектов с машинным интеллектом в новую систему общего интеллекта может привести к серьезным эволюционным изменениям, в результате которых возникнет новая форма организации – чистый интеллект [Stonier, 1991, p. 257–263].

Американский ученый М. Зелены отмечал, что пассивный труд «конвейерного» типа и потребительская ментальность образа жизни сменяется новым активистским принципом «сделай сам» [Zeleny, 1989, p. 141–151]. Самообслуживание – высшая степень трудовой и познавательной интеграции, что ведет к изменению самого образа жизни: работа на дому, самообразование, компьютерное сетевое общение и пр. Знание становится главной и доминирующей формой капитала. Угроза развитым экономикам идет не от дешевой рабочей силы развивающихся стран, а от их способности распознавать и поддерживать знания как главную форму капитала. Данный тезис наглядно подтверждается практикой экономических успехов таких стран, как Южная Корея, Сингапур и др.

В современных развитых государствах (например, США, Япония, страны ЕС) стало возможным массовое производство когнитивной систематизированной информации, технологии и знания, что предопределило изменение характера труда – подавляющее большинство работников связаны с информационной деятельностью и услугами. «Что такое информационное общество? Это общество, – пишет американский политолог Э. Брэнком, – в котором большинство граждан участвуют в процессе создания, сбора, хранения, обработки или распространения информации, а не в сельском хозяйстве или промышленности» [Branscomb, 1986, p. 387].

На современном этапе цивилизационного развития коммуникации соединились с особой сферой общественной деятельности – сферой услуг, что в итоге вылилось в создание единой сферы информационной экономики, где важнейшей из услуг является предоставление информации, а ее производство стало основным показателем уровня цивилизованности общества.

По словам Д. Белла, индустриальная революция породила эру мотора, технологическая революция – эру компьютера, т. е. эру электроники. Компьютер является важнейшим инструментом для создания, обработки, сбора, хранения и передачи новой информации. Однако анализ новейших тенденций процесса информатизации общества показывает, что

само внедрение компьютеров, их военное, промышленное, коммерческое, научное, воспитательное, культурное и информационное применение не автономны, а в значительной степени зависят от системы коммуникаций.

Феноменологические противоречия глобализации

Сфера информационно-коммуникационных процессов породила множество проблем – политического и социокультурного характера. Они в значительной степени обусловлены теми противоречиями, которые отчетливо проявились в ходе глобализации и нашли отражение в теоретических подходах к изучению особенностей ее современного этапа [Глобализация: Контуры XXI века, 2004, с. 7]:

- функционалистский (в его рамках основной акцент делается на роли национальных государств как спасителей от губительных последствий глобализации);
- апологетический (его сторонники подчеркивают роль рынков в распространении инноваций и признают необходимость максимально ограничить вмешательство государства в глобализационные процессы);
- технологический (кибернетические технологии рассматриваются его приверженцами как важнейшее условие вхождения периферийных стран в глобальную экономику при сохранении своей глобальной специфики).

Является неопровержимым фактом неоднородность политико-географического пространства современного мира, где соседствуют тенденции объединения и размежевания, диалектику которых можно наблюдать в современной Европе. На протяжении многих десятилетий ее западные и восточные регионы имели прямо противоположные векторы движения: в одних возобладала идея «надгосударственности», другие оказались в состоянии распада. Ю. В. Косов пишет, что «приливно-отливные», или «марширующие», земли Центральной Европы, принадлежавшие то Западу, то Востоку, «перемещаются, подобно походным колоннам, из одной части континента в другую и наоборот» [Косов, 2009, с. 93].

Большая пестрота отличает политическую карту «кипящей» Азии, в которой имеет место большое количество разноплановых территориальных споров за границы либо за обладание той или иной территорией. Очаги территориальных конфликтов сохранились в Латинской Америке, проблема границ продолжает оставаться острой на Африканском континенте. В Канаде вызывает тревогу ситуация с Квебеком. По мнению экспертов в области политической географии, региональные различия сильно ощутимы в США: «Американской культуре (в том числе политической) присуще на редкость яркое региональное самосознание граждан, в силу которого они четко ассоциируют себя с определенными районами страны, адресуя ему свой патриотизм и противопоставляя себя, порой весьма жестко, другим районам страны и их жителям» [Бусыгина, 2011, с. 230].

Гиперболизация «глобального» не соответствует реальности не только в пространственном, но и во временном измерении. «Жизнь по Гринвичу» носит формальный характер. При внешней синхронизации мировой политики *темпоральность* политических процессов в различных регионах планеты неодинакова, и отдельные социальные образования обладают собственными ритмами.

Барьеры на пути в будущее возникают сегодня для целых континентов. В Африке, например, существует громадный разрыв между величиной проблем континента и теми весьма скромными попытками, предпринимаемыми как самими африканскими странами, так и их более развитыми западными партнерами по решению указанных проблем. Очевидно, что чрезмерное внешнее вмешательство, как правило, связанное с распространением демократии и проведением широкого корпуса либеральных реформ, не способно решить большинство африканских проблем в принципе. Африканские страны по-прежнему зани-

мают последние места в мировых рейтингах по уровню развития своих экономик. Во многих из них с еще большей интенсивностью вспыхивают вооруженные столкновения, которые по понятным причинам препятствуют устойчивому развитию. В результате у многих исследователей и обывателей складывается впечатление, что Африка является континентом, безнадежно отставшим от остальной части мирового сообщества по всем ключевым параметрам. И сегодня все чаще, в том числе и с трибун весьма представительных международных форумов на высшем уровне, звучит точка зрения, что к 2015 г. африканским странам, по всей видимости, не удастся достичь ни одной цели, сформулированной в Декларации тысячелетия ООН, в 2000 г.

Встает вопрос о *верификации понятия «глобального» в исторической перспективе и его корреляции с понятиями «модерн» и «постмодерн»*. Таким образом, глобальность можно понимать и как сосуществование традиционного современного и постсовременного общества. В связи с этим возникает серьезная проблема, которую можно назвать мирополитической. Это «сбалансированность времени» различных общественных процессов, когда общество «снимается с якоря» и устремляется навстречу желанному, но продолжающему оставаться малопредсказуемым будущему.

Единое время распадается. Престижные группы, существующие преимущественно в настоящем, являются носителями «срединного времени». В ритме ускоренного, мобилизационного времени их догоняют те, кто оказался в арьергарде. Уповают на гибель «несправедливого мира» изгои, стимулирующие становление эсхатологического, разрушительного времени. В этом калейдоскопе темпоральностей может произойти «разрушение и опустошение повседневности» в надежде на «светлое будущее» [Ильин, Панарин, 1994, с. 85–86]. Вместе с тем все чаще возникает ощущение, что в эпоху глобализации историческая перспектива растворяется в настоящем и наступает «тирания момента» – бесконечно тиражируемой современности.

«Старое» *осевое время*, отсчет которого начинается с момента возникновения мировых религий и расхождения цивилизаций Запада и Востока, завершает свой поворот. К. Ясперс предсказывал: «Если придет новое осевое время, то только в будущем, подобно тому, как первое осевое время пришло лишь после того, как были открыты основополагающие условия человеческой жизни... Но это новое осевое время, которое, быть может, явит собой единую, охватывающую весь мир действительность, мы представить себе не можем. Предвосхитить его в нашем воображении означало бы создать его. Никто не знает, что оно нам принесет» [Ясперс, 1991, с. 114].

В итоге можно сделать вывод, что на современном витке глобализации вместе с первым осевым временем, по мнению представителей постмодернистских научных течений, уйдут в небытие ценности, которыми руководствовалось человечество на протяжении многих столетий.

По словам исследователя проблем идеалов и ценностей в современных медийных процессах Н. В. Брюханцевой, «массмедийные технологии сегодня вовлекают в сферу своего влияния фактически каждого, живущего на планете. Характеристики данных технологий заключаются в трех проявлениях: мозаичность, серийность и дискретность. Мозаичность позволяет дать огромное количество информации за небольшой объем времени, серийность является специфическим способом выстраивания и подачи информации. Дискретность является упрощенным способом получения информации» [Брюханцева, 2012, с. 1].

Но простота эта кажущаяся. В результате изменения содержательной наполненности и характера протекания информационных процессов трансформируется ментальность человека, вынужденного жить и работать в постоянно увеличивающемся океане разнообразной информации. Проблема выбора необходимых данных, сведений, фактов осложняется тем,

что сегодня происходит разрушение идеологии, т. е. комплекса идей, концепций и идеалов, при помощи которых человек понимает и принимает общество и существующий в нем социальный порядок. При этом центральная задача любой идеологии – посредством апелляции к естественным законам разъяснить и по возможности обосновать принятый в обществе социальный и политический порядок. В результате идеология становится важным фактором формирования личности человека. Непосредственно функцию распространения существующих в обществе идеологических воззрений выполняет система образования и средства массовой информации, при помощи которых принятые в социуме идеалы попадают в сознание отдельных личностей, формирующих в своей совокупности общество.

Возникает вопрос: возможно ли выработать новую духовную основу, которая определит пути развития планетарной цивилизации и/ или составляющих ее отдельных цивилизаций на столь же длительный исторический период?

Проблема единого информационного пространства: в преддверии информационного общества

Благодаря информационным революциям коренным образом изменились пространственно-временные координаты международных отношений, что нашло свое выражение в интенсификации международных связей и их многослойности. В структурировании информационного пространства на глобальном, региональном и национальном уровнях проявляется также *дихотомия гомогенности и гетерогенности*.

Расширение информационно-коммуникационного пространства тесно связано с усилением взаимозависимости, взаимосвязанности и унификации мира. А. Тойнби выделил три стадии этого процесса. Первая относится к временам потомка Тамерлана – Бабур (XV в.), который объединил большие территории в центре Азии за счет разного рода сухопутных операций. Базой для этого служила пустыня, бывшая своего рода безводным океаном, имевшим свои порты и свои средства передвижения. Именно пустыня стала тогда пространством развертывания информационно-коммуникационных процессов.

С начала XVI в. «человечество объединилось в одно всемирное общество». Пионерами этого движения стали Колумб и да Гама. «Революционным западным открытием явилась замена Пустыни на Океан как главный центр мировых коммуникаций. Это использование Океана дало возможность Западу объединить весь мир, включая Америки» [Тоунбее, 1948, р. 70]. В настоящий момент развитие техники привело к тому, что воздух становится важнейшей коммуникационной средой и тем самым окончательно превращает Землю в единую систему. Возникновение Интернета создало «место вне места» – киберпространство и придало новый импульс расширению пространства виртуального.

Уровень развития информационного пространства общества определяющим образом влияет на экономику, обороноспособность, политику, на многие элементы государственности. Информационное пространство определяют прежде всего следующие основные компоненты:

- информационные ресурсы;
- информационно-телекоммуникационная инфраструктура;
- система массовой информации;
- рынок информационных технологий, средств связи, информатизации и телекоммуникаций, информационных продуктов и услуг;
- сопряженность с мировыми открытыми сетями;
- система информационного законодательства.

В научной литературе все чаще можно встретить такие понятия, как *единое информационное пространство* и *глобальное информационное пространство*.

Тенденция к гомогенизации проявляется в концепции и практике формирования *единого информационного пространства (ЕИП)*. В последние десятилетия это понятие все чаще встречается в научной литературе. Формирование ЕИП² теснейшим образом связано с интеграционными процессами, характерными для постиндустриальной эпохи.

Есть несколько представлений о сущности ЕИП:

- ряд ученых на первый план выдвигает его технологические компоненты;
- приверженцы геополитических воззрений фокусируют внимание на территориальных аспектах ЕИП³ (для них наличие единого информационного пространства означает, что в любой его точке человек может получить минимально необходимые сведения, чтобы ощущать себя достаточно информированным);
- сторонники ноосферной концепции обозначают ЕИП как область планеты, охваченную разумной деятельностью (понятие ноосферы сегодня дополняется понятием инфоноосферы);
- согласно социологическому подходу, ЕИП воспринимается как особое поле информационных отношений;
- в информационных концепциях ЕИП связывается, с одной стороны, с развитием информационных ресурсов и информационной инфраструктуры, их доступностью для широкого круга населения, с расширением информационного взаимодействия государства, организаций и граждан, с другой – с вхождением в мировое информационное пространство государств, организаций и граждан при одновременном обеспечении национального информационного суверенитета.

Единое информационное пространство определяется и как «совокупность разнонаправленных информационных потоков, не зависящих от государственных границ, регулируемых средствами массовой информации, и напрямую зависящих от средств получения, передачи, обработки и хранения информации» [Андреев, 2005, с. 14]. Наличие единого информационного пространства связывается с взаимодействием, слиянием и взаимопроникновением массмедиа. Считается, что в результате подобной интеракции возникает полицентричная информационная среда, основными компонентами которой становятся национальные и транснациональные корпорации СМИ.

Современные контуры информационного пространства планеты начали понемногу проявляться в Новое время, когда стала меняться не только географическая, но и информационная карта нашей планеты. Несмотря на противоречия, связанные с периодизацией Нового времени, среди событий, кардинальным образом повлиявших на развитие человечества, исследователи, как правило, отмечают Великие географические открытия, колонизацию Америки, Реформацию и контрреформацию, Тридцатилетнюю войну, Вестфальский мир и вестфальскую систему международных отношений, Английскую революцию, Семилетнюю войну, войну за независимость США, промышленный переворот. Каждое из этих событий внесло существенную лепту в развитие информационных процессов, которые все активнее связывали ранее отдаленные друг от друга страны и регионы мира.

Существенное расширение информационного пространства произошло в XIX столетии и отразило тесное переплетение политических, экономических и социокультурных аспектов развития мира в этот «долгий» век. Обратимся к некоторым характеристикам информационного пространства, которые обозначились в XIX столетии. В чем они заключались?

² Словосочетание «информационное пространство» не обладает четкой терминологической определенностью. В него включают и характеристику того места, которое информация занимает в тех или иных СМИ, и «те сферы в современной общественной жизни мира, в которых информационные коммуникации играют ведущую роль» [Землянова, 1999, с. 70].

³ Пространство выступает в качестве одной из категорий геополитического анализа.

Во-первых, они были связаны с тем, что в контексте колониальной политики и задач колониального управления увеличилось значение информационного взаимодействия колоний и метрополий, чему немало способствовали новые, электронные технологии.

Во-вторых, в том, что в получении и распространении социальной информации ведущую роль стала играть не только периодическая печать, но и информационные агентства. Газеты и журналы существовали уже почти во всех регионах мира, т. е. пресса перешагнула границы Европы и превратилась в явление мирового уровня. Легально и нелегально, в том числе преодолевая многочисленные цензурные ограничения, пресса способствовала разрыванию внутренних и трансграничных информационных обменов.

Но монополия газет и журналов как поставщиков социальной информации была подорвана агентствами новостей, несмотря на определенное – и подчас даже весьма стойкое – сопротивление ряда крупных газет этому «незаконному» вторжению. Вместе с тем стало складываться сотрудничество между прессой и агентствами новостей, которое оказалось весьма эффективным.

В области распространения новостей на лидирующие позиции в XIX в. выдвинулись:

- английское агентство новостей, созданное П. Дж. Рейтером (телеграфная контора, ставшая непосредственной предшественницей агентства была открыта в 1851 г.);

- французское новостное агентство, получившее свое название по фамилии его основателя – Ш. Гаваса (1835);

- немецкое Телеграфное бюро Б. Вольфа (1849).

Эволюция российских служб по распространению информации отличалась высокой динамичностью: в 1866 г. в Петербурге было создано Русское телеграфное агентство, в 1872 г. возникло Международное телеграфное агентство, в 1882 г. – Северное телеграфное агентство. В 1894 г. появилось первое общероссийское телеграфное агентство. В 1904 г. Торгово-телеграфное агентство превратилось в Санкт-Петербургское агентство (СПА).

Во второй половине XIX в. между ведущими телеграфными агентствами был заключен ряд соглашений, в которых отчетливо проявилась тесная взаимосвязь информационной политики и геополитических интересов крупнейших держав мира, а также направленность информационных взаимодействий этих стран. Между самими агентствами сложились различные формы сотрудничества. Так, «Рейтер» осуществляло обмен информацией с американским агентством новостей «Ассошиэйтед Пресс» (АП). Через бюро Вольфа распространяло свою информацию за рубежом «Русское телеграфное агентство».

Проявление новых характеристик информационного пространства было обусловлено формированием рынка новостей в условиях развития капитализма. Складывался внутренний рынок средств информации, преимущественно в ведущих капиталистических странах. Вместе с тем деятельность телеграфных агентств и прессы шла рука об руку с процессом реализации колониальной политики, а также с геополитическими интересами метрополий. Так, значительную долю доходов телеграфным агентствам приносила информация, получаемая из тех стран и регионов, которые являлись первоочередными объектами колонизации.

В ходе индустриализации начали складываться монополии средств информации, которые сохраняют свое влияние на рынке средств информации в XX столетии. Стала весьма ощутимой *неравномерность* и *гетерогенность* распределения потоков информации как на национальном, так и на мировом уровнях.

Неравномерность объяснялась тем, что в XIX в. обозначилось разграничение центров, в которых концентрировались информационные ресурсы, и периферии, где насыщенность информацией была гораздо ниже. На национальном уровне это выразилось в информационном дисбалансе между столицей и провинцией, а на международном – в выдвигании одних стран на лидирующие позиции в информационно-коммуникационной сфере и в отставании других.

Например, в конце XIX в. Великобританию, которая в течение долгого времени обходила другие страны по уровню развития прессы и была своего рода образцом для подражания, стала обгонять Америка. *Гетерогенность* в области распространения информации была связана с социально-политической, экономической и культурной дифференциацией, свойственной жизни не только отдельных стран, но и целых регионов нашей планеты.

В XIX в. начала обретать устойчивый характер тенденция к массовизации информационно-коммуникационных процессов. Иначе говоря, приобретало новые черты *социальное пространство* распространения информации:

- массы все больше втягивались как в бурные события конца XVIII в. (центральное место в которых заняла Великая французская революция), так и в социальные потрясения и войны XIX в.;

- массы (во всей противоречивости этого феномена) заявили о себе как активная сила, которую уже нельзя было просто игнорировать как «свинское большинство» (это выражение принадлежит английскому политическому деятелю Э. Берку, XVIII в.);

- одной из важнейших задач государственного управления стала инкорпорация масс в существующую систему общественных отношений и отвлечение их от политической борьбы.

Следующим фактором, ускорившим обретение средствами информации и коммуникации массового характера, стала борьба прессы против «налогов на знание». Она началась в XVIII в. и получила особый размах в XIX в. Под «налогами на знание» подразумевались «гербовые сборы», которыми облагались в то время многие печатные издания. Эти налоги увеличивали стоимость печатной продукции и таким образом ограничивали свободу прессы, а также доступ к ней тех, кто не обладал высокими доходами. Не случайно некоторые европейские газеты, активно выступавшие против «налога на знание», в первой половине XIX в. начали выходить под лозунгом «Знание – сила». Снижение и отмена «налогов на знание» привели к тому, что появились менее дорогостоящие газеты, и покупать их смогли не только представители наиболее обеспеченных слоев общества.

Вхождение в индустриальную эпоху сопровождалось серьезными изменениями не только в экономической и политической сферах общества, но и в области культуры. Это касалось перестройки системы начального образования, которая привела к повышению уровня грамотности населения в ряде стран мира. Наконец, значительные усовершенствования произошли в технике производства и распространения печатной продукции. Под воздействием перечисленных факторов кардинальные изменения произошли в структуре периодической печати: появились дешевые массовые, популярные газеты.

XIX в. стал временем, когда были предприняты серьезные попытки международного регулирования информационного пространства. Одной из первых считается неудачная попытка Наполеона Бонапарта договориться с британским правительством о том, чтобы пресечь деятельность французской эмигрантской прессы в Англии, наносившей огромный вред репутации императора (1802). Более успешной стала реализация устремлений, направленных на достижение согласования в области телеграфной связи, которая использовалась, например, на железных дорогах, поскольку нужно было согласовывать расписание движения поездов. Кроме того, обсуждались технические вопросы и тарифы телеграфной связи.

Можно обозначить такие вехи формирования международного режима функционирования коммуникации, как принятие Международной телеграфной конвенции (1865, Париж), Санкт-Петербургской конвенции (1875), а также Берлинской конвенции 1906 г., учредившей Международный радиотелеграфный союз.

В 1906 г. в Берлине была заключена Международная радиотелеграфная конвенция, признавшая единым сигналом бедствия на море SOS (Stop Other Signals, Save Our Souls и т. п.). Сигнал SOS применяется и сейчас, хотя в 1999 г. он был заменен Глобальной морской

системой связи при бедствии (GMDSS – Global Maritime Distress and Safety System), которая обладает современными возможностями оповещения спасательных служб о катастрофах на море.

Таким образом, радиотелеграф сыграл большую роль в установлении связи с морским транспортом. Однако проблемы, возникшие в этой области, не были решены к началу XX в., и, по мнению экспертов, гибель «Титаника» стала неизбежной из-за рассогласованности в области телеграфной связи. В 1912 г., после этой трагедии, многие страны подписали конвенцию, согласно которой на борту всех судов необходимо было иметь исправное, постоянно действующее радиотелеграфное оборудование и хорошо подготовленных операторов, способных обеспечить его работу.

По словам Ю. Кашлева, «по мере того как обмен информацией приобретал массовый характер, эта тема становилась предметом обсуждения в международных организациях. Первой из них стал Всемирный почтовый союз, созданный в середине XIX века. Значительно позже появился Международный союз электросвязи (1932, Мадрид), который действует и по сей день, занимаясь в основном распределением радиочастот мирового эфира между государствами» [Кашлев, 2002].

С 1910 г. начали заключаться международные соглашения против распространения печатных порнографических материалов.

В формировании *мирового информационного пространства* большую роль сыграл период между двумя мировыми войнами: 1918–1939 гг. Применительно к масштабным историческим пластам, особенно тем, которые исследователи соотносят с длительным временем зарождения, расцвета и упадка крупнейших цивилизаций, он предельно краткосрочен. Несмотря на это, обозначенный период стал «точкой бифуркации» в развитии информационных процессов. Он подвел итоги XIX – начала XX вв. и вызвал к жизни новые тенденции в информационно-коммуникационной сфере. Некоторые из них примут устойчивый характер и сохранят свою актуальность во второй половине XX в. Ситуация начнет кардинально меняться, лишь когда компьютер и всемирная паутина станут доступны широкому кругу пользователей.

Среди всего разнообразия средств формирования информационного пространства, активно проявивших себя в эти годы, остановимся лишь на некоторых. Ко времени окончания Первой мировой войны одни из них уже в течение нескольких столетий были признанными лидерами в распространении новостей, другие настоятельно заявили о себе во второй половине XIX в., третьи только начали набирать силу. Иначе говоря, речь пойдет о периодической печати, информационных агентствах, неразрывно связанных с телеграфом, и о радиовещании. Пресса и радио со временем войдут в систему средств массовой информации (СМИ), а информационные агентства станут неотъемлемой частью инфраструктуры СМИ.

Становление Версальско-Вашингтонской системы совпало с началом нового этапа раздела информационного пространства, повлекшего за собой изменение его конфигурации, сложившейся после распределения сфер влияния между крупнейшими информационными агентствами мира.

В годы Первой мировой войны судьбы ведущих агентств новостей сложились по-разному. В условиях пропагандистского противостояния воюющих сторон «Рейтер» оказалось в непростом положении: его владельцу барону Рейтеру (потомку выходцев из Германии) пришлось доказывать «истинно британский характер» своего агентства. Однако это не мешало агентству значительно увеличить объем передаваемой информации, а также укрепить позиции ряда своих служб, в частности индийской: его доходы более чем в четыре раза превысили поступления из Северной Америки.

Мощные политические сдвиги и экономические потрясения, которые произошли после окончания Первой мировой войны, повлекли за собой и перераспределение сил в

области распространения новостей. На мировой информационной арене появляются новые игроки. Одним из них стало Телеграфное агентство Советского Союза – ТАСС (ныне ИТАР-ТАСС), которое появилось в 1925 г. и выступило в роли общесоюзного центрального информационного органа страны.

В условиях ужесточения конкуренции между ведущими американскими и европейскими информационными агентствами произошел неизбежный распад «информационного картеля». «Рейтер», все больше и больше ощущая давление со стороны «Ассошиэтед Пресс» и «Юнайтед Пресс Интернэшнл» (США), было вынуждено в 1934 г. заключить сепаратный договор с «Ассошиэтед Пресс».

В результате активизации конкурентов, прежде всего американских, серьезные трудности стало испытывать и французское агентство «Гавас», несмотря на то, что к 1930 гг. агентство представляло собой «процветающее предприятие, насчитывающее 1200 сотрудников в Париже, 400 корреспондентов в провинции и 500 – за границей. Оно имеет соглашения о сотрудничестве с 26-ю зарубежными агентствами. Во Франции оно контролирует 6 тыс. км телеграфных линий (из них 500 км – только в Париже). К тому же все шире "Гавас" использует радиотелеграф для связи не только с европейскими странами, но и с пунктами по ту сторону Атлантики. Его информационные службы распространяют ежедневно 80 тыс. слов по всему миру» [Аникеев, 1999].

Поскольку освещение важнейших международных событий становилось все более дорогостоящим, у агентства возникли финансовые затруднения, что позволило правительству установить свой контроль над ним. По договору 1931 г., МИД Франции согласился ежемесячно выплачивать агентству солидную денежную сумму, а в 1938 г. – полностью взять на себя покрытие дефицита «Гавас» в информационной сфере [Там же]. В 1934 г. закрываются два крупнейших информационных агентства Германии (телеграфное бюро Вольфа и «Телеграфный союз»). Создается новое немецкое агентство новостей, ставшее единственным источником информации в стране: его сообщения обязаны использовать все издания.

В годы Первой мировой войны с новой силой заявила о себе тенденция к дифференциации средств информации. Так, сохраняла свою активность печать, представленная разнообразной продукцией широчайшего диапазона – от газет, журналов, брошюр до листовок. Например, за годы войны над немецкими позициями и в тылу французы распространили 29 млн экземпляров листовок, т. е. примерно по 750 тыс. в месяц, англичане же распространяли до 1 млн экземпляров листовок в сутки. К августу 1918 г. союзниками на участке фронта в 150 км ежедневно сбрасывалось по 100 тыс. листовок, предназначенных для немецких военнослужащих.

Телеграф и радиотелеграф сыграли существенную роль в «революционизации» военной мысли на самом высоком командном уровне.

Первая мировая война стала временем, ускорившим превращение «беспроволочного телеграфа» в радио как средство информации: оно стало таковым, когда в эфире зазвучал человеческий голос. Считается, что «радио стало "очеловечиваться" лишь ближе к 1920-м гг., когда в эфире наконец перестали передаваться только сигналы азбуки Морзе. В России первым человеческим голосом, зазвучавшим по радио, был голос дежурного инженера Нижегородской радиолaborатории, которого слушали в Москве и Петрограде» [Антропова, 2012].

Что же касается международного вещания, то первые попытки его организации соотносятся с опытом передачи ежедневных новостей, которую вела Германия в 1915 г. Не менее значимым фактом явилось знаменитое радиовоззвание «Всем, всем, всем», переданное в 1917 г. из революционной России в целях разъяснения сути событий, охвативших страну.

Информационную и пропагандистскую значимость радиовещания очень быстро оценили политики тех стран мира, в которых оно уже получило распространение. Не случайно,

что в период между двумя войнами радио развивалось невиданными темпами. Правда, в 1920 г. в Европе было всего несколько тысяч радиоприемных устройств. Перелом в отношении к радиовещанию наметился в 1922–1923 гг., когда во многих странах мира начались экспериментальные и регулярные передачи.

Во многом благодаря радиовещанию средства информации все больше приобретали массовый характер. К началу 1930-х гг. количество радиоприемников в мире возросло до 36 млн.

В 1922 г. группой предпринимателей при участии Маркони была образована Британская вещательная компания – предшественница Британской вещательной корпорации (Би-Би-Си). В 1927 г. английская королева подписала Устав «Би-Би-Си», создавший правовую базу корпорации как уникальной общественной вещательной службы. Целью «Би-Би-Си» было обеспечение всеобщего охвата населения Великобритании вещанием, а также качественное информирование, просвещение и развлечение англичан.

Радио постепенно занимало ведущее место в международных информационных и коммуникационных процессах. Оно стало эффективным средством внешнеполитической пропаганды. В 1918 г. Маркони начинает передавать радиосообщения из Англии в Австралию, 1920 г. – устанавливается радиосвязь с Мадридом, 1921 – с Парижем, 1922 – с Берном, 1923 – с Веной, 1926 – с Белградом, Москвой, Лиссабоном, 1928 г. – с Бейрутом, Каиром, Стамбулом. Таким образом, *был сделан новый шаг к формированию международной системы коммуникаций.*

Хроника событий, ознаменовавших развитие международного радиовещания в период между первой и второй мировыми войнами, выглядит следующим образом:

- 1924 г.: организованы радиопередачи из США на страны Латинской Америки, осуществлявшиеся под эгидой Панамериканского союза;
- 1927 г.: международной конференцией в Вашингтоне инициировано разделение частот вещания между различными государствами мира;
- 1929 г.: североамериканские вещательные корпорации NBC и CBS стали осуществлять коротковолновое вещание на Латинскую Америку.
- 1930 г.: передачи московского радио для зарубежной аудитории, начатые в 1927 г., стали вестись на 58 языках;
- 1932 г.: после Мадридской конференции международное распределение частот приобрело официальный статус; затем оно стало регулироваться Международной конвенцией по телекоммуникациям.
- вторая половина 1930-х гг.: образованный на средства американского миллионера Рокфеллера Всемирный радиовещательный фонд организовал вещание на латиноамериканскую и европейскую аудиторию;
- 1936 г.: организованная в США Служба зарубежной информации начала содействовать усилению влияния США среди латиноамериканской аудитории, в том числе с помощью иновещания.

В этот хронологический перечень можно добавить 1931 г., когда во Франции было создано «Колониальное радио» и 1932 г., когда «Би-Би-Си» организовала передачи на английском языке для своих колоний и доминионов в рамках Имперской службы иновещания. В 1932 г., на Рождество, Георг V обратился по радио к подданным империи, его речь была с восторгом воспринята слушателями. В скором времени «Би-Би-Си» стала передавать двухчасовые «блоки» программ в Австралию, Новую Зеландию, Индию, Восточную и Южную Африку.

В 1920–30-е гг. иновещание было введено в Бельгии и Австрии. В 1931 г. коротковолновую станцию построил Ватикан для вещания на те страны мира, где проживают католики и «куда еще не проникла католическая вера» [Bumpus, Skelt, 1984, p. 14].

После прихода к власти нацистов началась активная реорганизация иновещания в Германии: немецкие радиопередачи на зарубежные страны стали регулярными еще в 1929 г., а в 1934 г. они уже велись на Азию, Африку, Северную и Южную Америку. К концу 1935 г. германское иновещание использовало кроме немецкого английский, испанский, португальский и голландский языки. Опыт Германии повлиял на решение Италии (1934 г.) и Японии (1935 г.) организовать вещание на зарубежные страны.

Интенсивность распространения иновещания в рассматриваемый период сопоставима, пожалуй, со скоростью расширения «Галактики Гутенберга» после изобретения печатного станка. К концу 1930-х гг. международное вещание получило достаточно широкое распространение в мире. Его вели европейские страны, США, Китай, Япония, Австралия и Бразилия.

В межвоенный период стала формироваться частная коммерческая модель радиовещания. В своем «классическом» виде она сложилась в США, где повсеместно росла численность вещательных станций и расширялась аудитория радиослушателей. В США между 1930-м и 1938-м гг. количество радиоприемников возросло на 100 %, и к концу десятилетия радио охватило фактически всю страну.

Важной вехой в становлении современной конфигурации мирового информационного пространства стало появление *телевидения*. В 1925 г. в Лондоне с помощью специальной аппаратуры зрительная информация была впервые передана на расстояние, а в 1927 г. «Би-Би-Си» уже провела публичный сеанс телевизионного вещания.

Таким образом, *практически с момента превращения «беспроволочного» телеграфа в радиовещание новое средство информации приобрело трансграничный характер. Началось освоение того пространства, которое долгое время называлось эфиром, и стали предприниматься попытки его раздела.*

Электронные средства массовой информации все активнее заявляли о себе. По словам известного исследователя проблем массмедиа М. Маклюэна, печатная техника создала публику, электронная – массу.

В межвоенный период неравномерность международного информационного пространства отчетливо проявилась в процессе формирования различных «моделей» средств информации. В это время шло развитие рыночной модели функционирования прессы, становление модели партийно-советской печати, модели функционирования прессы в условиях фашистских и профашистских режимов, колониальной модели функционирования прессы, а также становления модели СМИ национально-освободительного движения. Существовали модели прессы антифашистских движений и подпольной и эмигрантской прессы. Таким образом, пресса отразила весь спектр политических партий и движений периода между двумя войнами.

Формирование межвоенного информационного рынка было отмечено тенденциями концентрации, монополизации и конкуренции. Шло совершенствование информационно-коммуникационных технологий. Продолжился процесс вырастания журналистики в крупный бизнес. Его можно проиллюстрировать на примерах деятельности видных американских издателей Дж. Пулитцера и У. Р. Херста.

В 1924 г. все свои газеты, журналы, радиостанции и киностудии Херст объединил в компанию Hearst Consolidated Publishers Inc., которая добилась стабильности и финансовой успешности. Великая депрессия лишь пошатнула, но не разрушила эту информационную империю. В 1935 г. Херст был одним из самых богатых людей в мире, его состояние оценивалось в 200 млн долл. После покупки «Нью-Йорк Морнинг Джорнал» он продолжал скупать и учреждать ежедневные и еженедельные газеты по всем Соединенным Штатам. В 1940-е гг. Херст стал владельцем 25 ежедневных и 24 еженедельных газет, 12 радиостанций, 2 мировых агентств новостей, одного предприятия по производству новых тем для кинофиль-

мов, киностудии «Космополитен» и многого другого. Он оставил своему наследнику, У. Р. Херсту-младшему, 13 ежедневных и две воскресные газеты, 11 журналов, радиостанции и телеграфное агентство.

В Европе на первый план выдвинулись такие владельцы СМИ, как Альфред Хармсворт, виконт Нортклифф, и его брат Гарольд Хармсворт, лорд Ротермир. Считается, что Нортклифф немало содействовал победе Англии в Первой мировой войне. В 1920-е гг. он контролировал известнейшие английские газеты «Таймс», «Дейли Мейл», «Уикли диспатч», «Ивнинг ньюс» и др., а его брат лорд Ротермир владел «Дейли Миррор», «Дей ли Рекорд», «Санди Мейл» и пр. Общий тираж этих изданий превышал 6 млн. экземпляров.

Лорд Ротермир с 1934 г. занимал пост президента Ассоциации газетных предпринимателей. Позднее, в 1960-е гг., среди монополий прессы на первый план также выдвинулась группа лорда Ротермира «Ассошиэйтед Ньюспейперс Лтд.» несмотря на то, что имя этого магната прессы было скомпрометировано тем, что он питал симпатии к немецким фашистам. На арену газетного мира Великобритании выходит такая фигура, как С. Кинг (родственник Ротермира), который укрепит свою монополию не только на внутреннем рынке своей страны, но и далеко за ее пределами.

Во Франции Жан Пруво, стоявший во главе семейства промышленников (шерстепрядильные предприятия, сахарные заводы, бумагоделательные фабрики), купил в 1924 г. ежедневную «Паримиди» (40 тыс. экз.), удвоив ее тираж к 1930 г. После приобретения «Пари-суар» Пруво стремительно набирает темпы на пути к триумфу: в 1931 г. тираж «Пари-суар» более чем удваивается, в 1933 г. достигает 1 млн., в 1934 г. – 1,5 млн, в 1938 г. – 1,8 млн, наконец, в 1939 г. превышает 2 млн, покоря тем самым вершину, которой иногда лишь достигала «Пти паризьен» во время Первой мировой войны. С 1937 г. она выходит на 10–14 полосах, а по воскресеньям – на 20-ти. Штат ее редакции накануне Второй мировой войны составлял около 1000 человек, из них журналистов и фоторепортеров – около 150. В марте 1937 г. Пруво основывает «Мари-Клер» – «еженедельник для женщин, какого еще не было» с тиражом в 437 тыс. Обращаясь к более широким социальным слоям, Пруво увеличил тираж «Мари-Клер» до 985 тыс. в 1939 г. Пруво использовал опыт аналогичных американских изданий как в «Мари-Клер», так и в другом своем издании – «Матч». Этот скромный спортивный еженедельник он превратил в один из самых массовых журналов Франции. В 1939 г. тираж «Матча» составлял 1 млн 100 тыс., что являлось рекордом для французской прессы.

Поставить средства информации на службу миру пыталась Лига наций, подтверждением этого явилась Международная конвенция об использовании радиовещания в интересах мира (1937–1938 гг.), которая фактически не была реализована в условиях надвигающейся мировой войны. В межвоенный период Лига наций не раз выступала с инициативой организации конференций, посвященных средствам информации и направленных на поиск взаимопонимания в этой сфере. Но ни эти встречи, ни Ассамблея Лиги наций, осудившая распространение новостей, содержащих угрозу миру, не выработали, да и не могли этого сделать в тогдашней сложнейшей политической обстановке, конкретных мер по преодолению противоречий в области международного информационного обмена.

Годы Второй мировой войны стали временем, когда технический и содержательный потенциал средств информации был поставлен на службу пропагандистскому противостоянию воюющих сторон. Многие сложившиеся тогда методы информационно-пропагандистского противодействия сохраняют свою актуальность и в последующий исторический период.

В 1950-е гг. телевидение настойчиво укрепляет свои позиции как средство массовой информации. Один из самых удачливых предсказателей будущего, американский писатель-фантаст Артур Кларк еще в 1945 г. в статье «Внеземные ретрансляторы» представил свое видение глобальной системы связи на базе геостационарных спутников. Эти спутники, расположенные на «космическом поясе», который находится на заданной высоте над эква-

тором, способны осуществлять круглосуточное вещание на любую точку планеты. Создание геостационарных спутников, а затем и спутников прямого вещания в очередной раз «уничтожило» пространство. Многие усмотрели в этом угрозу национальному суверенитету.

Таким образом, вторая половина XX в. ознаменовалась появлением новых информационно-коммуникационных технологий, которые начали действовать уже в *космическом пространстве*.

Пресса, радио и телевидение развитых стран мира активно осваивали мировое информационное пространство, усиливая диспропорциональность в его формировании. Биполярное противостояние было сопряжено и с информационным противоборством капитализма и социализма. Особенно болезненно неравномерность формирования информационного пространства сказалась на странах, которые в то время объединялись под названием «третий мир».

Дисбаланс в распределении информационных потоков во многом был связан с усилением позиций западных монополий СМИ на международном уровне. В 1960-е гг. сложились империи СМИ, которые приобрели не только национальный, но и международный характер. Приобрели мировую известность имена крупнейших владельцев газетного бизнеса: С. Кинга и Р. Томсона (Англия), А. Шпрингера (Германия), Ж. Пруво, Ч. дель Дука и Э. Амори (Франция).

В дальнейшем ведущее место на газетном рынке заняли новые владельцы прессы. Среди них – известный магнат СМИ Р. Мердок. Свою карьеру в области СМИ он начал на родине – в Австралии. Затем Мердок успешно внедрился на американский медийный рынок. Сенсацией стала экспансия Р. Мердока в сферу британских средств массовой информации и приобретение к тому времени ставшей убыточной газеты «Таймс» – своего рода национального символа Англии и английского образа жизни. Компания Мердока «Ньюс интернэшнл» (часть глобальной медиа-корпорации News Corporation) стала символом конгломерирования: медийная составляющая была лишь одним из ее секторов. Огромные капиталы приносили другие структурные компоненты империи, далекие от средств массовой информации. К началу 80-х гг. Руперт Мердок уже считался одним из известных международных «лордов прессы». Его отец – друг Нортклиффа – был издателем газет «массового интереса» в Австралии. Сам Р. Мердок успешно занимался газетным бизнесом в Австралии, где приобрел навыки конкурентной борьбы, которыегодились ему в ходе завоевания рынка прессы за пределами его родной страны. Империя Мердока изначально формировалась как транснациональная. Конец 60-х гг. был ознаменован приобретением Мердоком двух массовых английских газет – «Ньюс оф де Уорлд» и «Сан».

В 1970-е гг. этот магнат прессы активизировался в США, где стал владельцем одной из старейших газет страны – «Нью-Йорк Пост», основанной в 1801 г. К этому времени он уже купил две газеты в Техасе, основал ежедневник «Стар», завладел газетой «Виллидж Войс», а также журналами «Нью-Йорк» и «Нью Уэст», что явилось сенсацией и за пределами Америки. Новое появление Мердока на Флит-стрит было связано с покупкой газет «Таймс» и «Санди Таймс». Его империя уже включала в себя свыше 80 газет, журналы, радио- и телестанции, киностудии, фирмы грампластинок, нефтепромыслы, горнорудные карьеры, животноводческие фермы. Несмотря на то, что совместный разовый тираж газет, приобретаемых Р. Мердоком, выходил за рамки, установленные антимонопольным законодательством, сделка состоялась. Согласно акту 1973 г. о добросовестной торговле, продажа изданий допускается, если они нерентабельны (как известно, «Таймс» переживала тогда серьезные финансовые затруднения).

Аналогично действовала медийная компания Роберта Максвелла «Миррор групп Ньюспейперс», которая также приобрела международный характер. Роберт Максвелл являлся в 80-е годы одной из самых динамичных и противоречивых фигур английской жур-

налистики. Исключительно много энергии вложил Максвелл в принадлежавшее ему издательство «Пергамон Пресс». После неудачных попыток стать издателем газет «Ньюс оф де Уорлд» и «Сан» Максвелл начинает в 1975 г. выпускать газету «Скотиш Дейли Ньюс» («Шотландские ежедневные новости») с подзаголовком «Как прекрасно жить на свете», которая очень скоро потерпела крах. Максвелл пытался вступить в борьбу за «Таймс», но его шансы в тот момент оказались невелики. В начале 80-х гг. непростая финансовая ситуация сложилась в группе «Миррор». Максвеллу удалось перехватить инициативу, и он стал владельцем «Дейли Миррор», «Санди Миррор», «Пипл», «Дейли Рекорд» и «Спортинг Лайф» (ее читателем была королева Великобритании). На рубеже 1980–1990-х гг. «Дейли Миррор» и «Дейли Рекорд» издавались тиражом, равным четверти совокупного тиража ежедневной британской прессы. Как и Мердок, Максвелл не ограничивался лишь сферой газетно-издательской деятельности, к тому же интересы его компаний выходили за пределы Британских островов: так, Максвелл стал компаньоном Ф. Буига, частного владельца ТФ-1 – программы французского телевидения. «Географически» интересы Максвелла превратились в глобальную сеть, охватывающую различные регионы Европы, Америки, Азии и Африки.

В западных странах, а также в странах Азии, Африки, Латинской Америки среди всего массива новостей наибольшим удельным весом стали обладать те, которые распространялись мировыми информационными агентствами – «Ассошиэйтед Пресс», «Франс Пресс», «Рейтер».

В это же время происходят качественные изменения в области информационно-коммуникационных технологий. Как замечает Д. Белл, бывшее разделение в коммуникациях между телефоном (голос), телевизором (изображение), компьютером (данные, информация), текстом (факсимиле) исчезает и возникает единая сеть телетрансмиссии. Этому комплексному явлению долго подыскивали соответствующее название: «*компьюникация*» (А. Оттингер) или «*телематика*», которое вошло в научный оборот после опубликования известного доклада С. Нора и Х. Минк по проблемам информационного общества [Bell, 1989, p. 167].

Несмотря на то, что мир оказался свидетелем информационного взрыва, который объяснялся различными причинами (в частности, он был связан и с тем, что периодическая печать, радио и телевидение обрели массовый характер, а информационные процессы получили возможность стать трансграничными), многие страны и регионы столкнулись с серьезными проблемами в области получения и распространения информации. Это не могло не вызвать чувства обеспокоенности мировой общественности. В обозначенное время появляются такие понятия, как *информационный* и *культурный империализм*. Так, одним из проявлений информационного империализма стало стремление ведущих западных государств установить контроль над мировыми потоками информации. Этому немало способствовала концепция свободного потока информации, возникшая после Второй мировой войны. Ее привлекательность заключалась в том, что она противостояла тоталитарным концепциям СМИ. Однако в данном случае информационный поток предполагал лишь одно направление: из центра к периферии.

В 1980 г. на XXI сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (Белград) был заслушан доклад Комиссии Макбрайда – ирландского политического деятеля, правозащитника, лауреата Нобелевской премии мира (1974 г.). Этот документ был опубликован под названием «Много голосов – один мир». В нем была представлена развернутая информационно-коммуникационная картина планеты в 1970-е гг. Эксперты, которые участвовали в работе Комиссии, выявили наличие существенного дисбаланса в международных потоках информации, а также «информационного голода», характерного для стран и регионов «третьего мира».

В Докладе был сделан акцент на задачах, стоящих перед мировым сообществом в информационно-коммуникационной сфере:

- преодоление информационного неравенства, а также препятствий на пути реализации свободного и более сбалансированного потока информации;
- устранение негативных последствий монополизации в сфере СМИ;
- обеспечение свободы прессы и плюрализма источников и каналов информации;
- поддержка развитыми государствами стремления развивающихся стран формировать и развивать собственные информационно-коммуникационные инфраструктуры и вести подготовку квалифицированных кадров, способных работать на современном уровне;
- уважение к культурной идентичности всех народов;
- признание права всех наций на информирование мировой общественности о своих интересах, чаяниях, социальных и культурных ценностях.

Комиссия пришла к выводу о необходимости осуществления обмена информацией на основе принципов суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела других государств.

Доклад Макбрайда продолжал интересовать мировую общественность и двадцать лет спустя – на рубеже тысячелетий, когда воплощение в жизнь концепций информационного общества придало информационно-коммуникационным процессам новые черты. Вопрос о том, как добиться подлинного многоголосья в условиях глобализации, не утратил своей актуальности. Петербургский профессор С. А. Михайлов отметил: «В связи с нарождающейся эрой мультимедиа ЮНЕСКО предоставляет международному сообществу арену, где могут быть опробованы возможности и действенность новых средств коммуникации и новых информационных технологий» [Михайлов, 2002б].

В 1999 г. увидела свет коллективная монография «К справедливости в глобальной коммуникации: Макбрайд сегодня». По словам известного финского ученого К. Норденстренга, перспективы глобального информационного общества не только не поставили крест на дебатах о Новом мировом информационном порядке, но и вдохнули в них новую жизнь: «Терминология и риторика меняются, но суть проблемы в значительной степени останется неизменной и будет дополнена новыми компонентами технологического и социального характера. Будущее, формирующееся в условиях возрастающей сверхконцентрации массмедиа – с одной стороны и культурной балканизации – с другой, прекрасно отражено в названии первой публикации материалов круглого стола Макбрайда: "Мало голосов – много миров"» [Nordenstreng, 1999, p. 263].

Чтобы в XXI в. не повторился виток истории, который назывался культурой безмолвствующего большинства, ученые рекомендовали исходить из того, что множественность голосов в глобальном информационном концерте требует плюрализма доступа к массмедиа. М. Тегранян писал, что существующие системы контроля над СМИ (государственная, коммерческая, общественная) не могут сами по себе – каждая в отдельности – обеспечить реализацию подобного плюрализма. Он ратовал не только за продолжение диалога «Север – Юг» применительно к вопросам международных информационных обменов, но и за развертывание полилога между всеми участниками международных отношений. Большие надежды автор возлагал на международные неправительственные организации (МНПО), выражающие, по его мысли, многообразие сегодняшнего мира. Новый мировой информационно-коммуникационный порядок (НМИКП), по М. Теграняну, может быть определен как «сеть информационных сетей» между структурами, формирующими гражданское общество на глобальном уровне, как мост, перекинутый от государственных акторов к негосударственным, от периферии к центру в целях борьбы с насилием и нищетой» [Tehraniyan, 1999, p. 23–63].

Закономерен резонанс, вызванный в научных кругах тридцатилетней годовщиной обсуждения Доклада Макбрайда. В качестве примера приведем международный colloquium, посвященный вопросам взаимосвязи коммуникации и социальных изменений в

Африке, который прошел в Гренобле под названием «30 лет после Доклада Макбрайда». Среди публикаций коллоквиума обращает на себя внимание выступление К. Норденстренга. Реконструируя историю «великого спора» в области массмедиа, исследователь выявляет особенности его современного протекания. Как считает К. Норденстренг, новый, пятый этап дебатов включает в себя последние двадцать лет (1991–2010 гг.), и ключевым в его характеристике является понятие глобализации.

Эволюция представлений о настоящем и будущем «независимых и плюралистичных медиа» была связана с проведением круглых столов Макбрайда, организацией региональных конференций ЮНЕСКО, с работой Всемирной комиссии по культуре и развитию (ООН) и Всемирного саммита по информационному обществу (Женева, 2003; Тунис, 2005). К. Норденстренг напоминает, что сам термин «новый мировой информационный порядок» фактически вышел из употребления, однако содержание этого понятия в основном сохранилось. Его неизбежная современная модификация связана с изменениями в социальной и технологической сферах. При рассмотрении бюджета различных подразделений ЮНЕСКО, в том числе сектора информации и коммуникации, организация исходила из двух важнейших принципов – обеспечение свободы слова и информации и создание возможностей для всеобщего доступа к знаниям и информации.

Таким образом, Доклад Комиссии Ш. Макбрайда о последствиях неравномерности в обмене информацией актуален и в условиях изменения геополитической карты мира. Время подтвердило значимость Доклада Макбрайда не только как исторического свидетельства, позволившего глубже понять время, обусловившее его появление, но и как своего рода прогноз развития информационных процессов в современном мире. Интенсивное развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий придает принципиально новое качество трансграничному информационному обмену и становится движущей силой экономических, социальных изменений в мире.

И сегодня наблюдается увеличение и без того значительного технологического разрыва между развитыми странами и остальным миром, что является главным барьером на пути становления глобального информационного общества. Кроме того, сохраняются проблемы этнических, религиозных и идеологических различий людей, поскольку «формирование геополитического пространства обусловлено не только строго объективными условиями и факторами (размер территории государств, особенности их географического положения, природно-ресурсный, демографический, экологический, военный потенциалы и т. д.), но и состоянием духа народов и наций, населяющих пространство определенных государств» [Колосов, Мироненко, 2001, с. 11].

Многое из событий последней трети XX в. стало достоянием истории. Но некоторые тенденции, набравшие силу во второй половине прошлого столетия, на современном витке их развития обрели новое наполнение. Несмотря на то, что содержание процесса, получившего название информационной революции, изучено еще далеко не в полной степени, уже сегодня можно утверждать, что взаимодействие и взаимозависимость в информационном поле будут иметь как положительные, так и отрицательные эффекты. Современные информационно-коммуникативные системы (сети) не только демонстрируют дополнительные возможности для межкультурного общения (географические препятствия и межгосударственные границы отступают; пространство и время сжимаются, а люди и народы сближаются), но настоятельно требуют модернизации действующих цивилизационных институтов.

Компьютеризация, охватившая весь мир, создала предпосылки установления нового вида «колониальной зависимости», когда информация о рынках и спросе, новых технологиях и техническом прогрессе, основных политических и экономических тенденциях станет механизмом, с помощью которого мир будет не только контролироваться, но и управляться «информационными империями». Глобализация информационного пространства «породила

целый ряд последствий, связанных с модернизацией стратегии мирового сообщества по ее распространению. Если новый международный порядок предполагал определенное противодействие международным пресс-монополиям на территории отдельно взятой страны, то ныне это осуществить чрезвычайно трудно технически, поскольку спутниковое телевидение, радио, Интернет и другие новейшие технологии позволяют оказывать информационное воздействие на реципиентов независимо от их удаленности от источника распространения информации» [Михайлов, 2002а, с. 92].

Факты подтверждают, что сегодня наиболее активно развиваются транснациональные корпорации, связанные с информационной индустрией: «Их появление обусловлено формированием глобального информационного общества, а деятельность – спецификой информационного рынка. Можно также отметить, что существует и обратная связь – появление информационных ТНК позволяет говорить о формировании информационного общества» [Байчик, 2005, с. 9]. ТНК сегодня рассматриваются в качестве основного сегмента мирового информационного пространства.

Примечательно, что владельцы «старых» медиа (прессы, радио и телевидения) стремятся поставить под свой контроль и сетевые структуры. Например, Руперт Мердок считает, что время работает против издателей газет. Он заявил: «Если мы не проснемся и не обратим внимание на перемены, которые существенно отличаются от того, что было пять или шесть лет назад, наша отрасль опустится до положения аутсайдеров». По его мнению, газетчики должны достойно представлять свои издания в Интернете: «Люди традиционно начинают день с чашки кофе и газеты. В будущем, я надеюсь, они будут начинать день в Сети – с кофе и нашего веб-сайта» [Заугольных, 2005].

Мало того, что Мердок заявил о намерении сделать платными всю онлайн-информацию своих новостных газет и телеканалов, в 2009 г. он посягнул на авторитет Google, назвав его «цифровым вампиром», поскольку в «Сети слишком много желающих получить прибыль от рекламы и слишком мало рекламодателей» [Карпов, 2009].

Представители школы коммуникативистики, изучая феномен информационного глобализма, говорят о наличии новой планетарной структуры – *информосферы*. Она обладает огромным потенциалом интеллектуальной энергии, который призван служить самосохранению цивилизации. Одновременно исследователи предупреждают, что эти резервы могут быть использованы против человека и человечества, если окажутся «под прессом беспредельной власти информационного монополизма» [Андреев, 2005, с. 7].

Таким образом, выделены те структуры, которые играют важную роль в формировании информационных потоков, циркулирующих в современном мире. С активностью этих структур соотносится ряд мировых тенденций развития массмедиа, в частности монополизация. Эффекты деятельности ТНК в области информации и коммуникации весьма противоречивы.

На рубеже XXI в. ведущее положение на мировом информационном рынке занимали шесть медиаконцернов: «АОЛ Тайм Уорнер», «Уолт Дисней», «Бертельсман», «Ньюс Корпорэйшн», «Дженерал Электрик + Эн-Би-Си + Си-Эн-Би-Си», «Майкрософт». По мнению специалистов, нынче очень сложно определить национальную принадлежность той или иной корпорации с рассредоточенным интернациональным капиталом. Опыт европейской интеграции заставил задуматься и о том, что глобализация информационного пространства подрывает основы регулирования деятельности СМИ на национальном уровне.

Сегодня та «невидимая рука рынка», о которой говорил Адам Смит, ассоциируется с деятельностью крупнейших медиаконцернов, в том числе транснациональных корпораций (ТНК). ТНК выступают в качестве одного из ведущих акторов и внутренней, и мировой политики, во многом определяя особенности политической структуры современного мира и конфигурацию глобального информационного пространства. Масштабы их роста, став-

шего особенно заметным во второй половине прошлого столетия, не уменьшаются и сейчас. Подавляющая часть ТНК (около 90 %) приходится на развитые страны северного полушария. Активность транснациональных корпораций на внутренней и международной аренах носит своеобразный характер. Они способны участвовать в предотвращении конфликтов и в их разжигании, вести посредническую деятельность и одновременно углублять пропасть между богатством и бедностью на нашей планете. Иначе говоря, усиливается их роль в мировой политике и международных отношениях.

При определении мирополитического статуса СМИ предлагается учитывать следующие факторы:

- международные СМИ связаны между собой функционирующей в трансграничном масштабе системой информационного обмена, а также технологиями, кадрами и единым набором корпоративных ценностей;
- новостные структуры ориентируются на рынки, где формируются не только механизмы спроса и предложения на информацию, но и каналы передачи различного рода зашифрованных посланий политического характера;
- современная «информационная машина» создает и глобальную аудиторию, медиа-общество и экспертное сообщество, игнорировать которые уже невозможно;
- международным СМИ присуще неравенство, поскольку оперировать потоками международной информации способны только сильнейшие игроки;
- не все средства информации могут стать акторами, которые оказывают воздействие на мировые политические процессы.

При оценке акторности СМИ на мировом уровне, по мнению московского ученого О. В. Зегонова, следует учитывать «во-первых, их промежуточное положение в системе транснациональных политических коммуникаций, то есть между национальным и наднациональным уровнями; во-вторых, их системную взаимосвязь; в-третьих, наличие устойчивых связей с конкретными акторами, действующими на всех уровнях политических процессов, и их взаимной заинтересованности. Акторов при этом отличает организованная деятельность, проводимая на системной и систематической основе во взаимодействии с другими игроками, а ключевой мотив этой деятельности может заключаться в повышении уровня взаимодействий. Потенциал влияния акторов может напрямую зависеть от уровня организации, установленной между его составными элементами (например, профессиональные и информационные каналы связи между СМИ). Здесь сила целого зависит от возможностей конкретных составных частей» [Зегонов, 2007, с. 149].

Вместе с тем нуждается в дальнейшем прояснении и вопрос о том, выступают ли СМИ в роли субъектов международных отношений. Вряд ли можно отказать некоторым «старым» и «новым» СМИ в социальной активности и стремлении изменить status quo на международной арене, что, собственно, и является отличительной чертой субъекта той или иной деятельности.

Таким образом, современное информационное пространство представляет собой, с одной стороны, систему сложных, дисгармоничных взаимодействий между его структурными компонентами, а с другой, – не менее сложную систему взаимодействий с объектом и субъектами международных отношений и мировой политики. Закономерно, что эта противоречивая по своему содержанию информационно-политическая реальность по-разному отразилась в идеологии информационного общества.

1.3. Реальность и утопия в идеологии информационного общества

В современных условиях развития информационного общества глобализация рассматривается как его неотъемлемая характеристика, что вполне оправдано объективными процессами расширения информационного пространства до масштабов не только Земли, но и Вселенной. При этом важной составляющей данных процессов является технология как способ технического осуществления человечеством артефактного господства над природной средой. Поразительные успехи внедрения теоретических и технологических разработок в сферу производственной деятельности человека невольно порождают надежду, что и в социальной сфере господство над действительностью может быть достигнуто с помощью «организации и техники».

В развитии *технологического утопизма* можно выделить следующие три этапа:

- конец XIX – начало XX в. характеризуется общей верой в безграничные возможности технологического прогресса, особенно в вопросах решения хронических проблем человечества: голода, болезней и войн. Весьма популярной в тот период была технологическая утопия Эдварда Беллами «Глядя назад», где Америка изображена в виде царства электрических и телеграфных коммуникаций, где все – от музыки до еды – поступало в дома по трубам из центральных источников;

- в середине XX в. идея всеобщего процветания как результат научно-технического прогресса нашла свое отражение в концепции государства «всеобщего благоденствия»; достижения индустриального общества мыслились как глобальные перспективы всего человечества. На первый план вышли количественные показатели благоденствия в виде массового тиражирования материальных благ и массовой культуры;

- в конце XX – начале XXI в. технологический утопизм нашел свое окончательное развитие в рамках концепции компьютерной революции. «Силиконовая долина» в Калифорнии стала символом новых возможностей, которые открывались перед человечеством благодаря бурному развитию телекоммуникационных средств, в корне менявших привычный образ жизни; электронная почта, спутниковое телевидение, факс, интерактивные системы коммуникации придали технологическому утопизму небывалый авторитет, поскольку сам компьютер стал восприниматься не просто как техническое средство, а как символ успеха и процветания.

Важно подчеркнуть, что технологический утопизм обусловлен следующими факторами:

- наука и техника – это результаты развития человеческого интеллекта, необходимые для создания адекватной потребностям человечества среды обитания; однако, когда формы и методы организации и функционирования технологической среды переносятся на социальную сферу, то общество уподобляется механизму, а человек превращается в унифицированный элемент этого социального механизма;

- в технократических вариациях демократического развития происходит понятийная подмена: свобода личности определяется необходимостью подчинения ее воли всеобщей воле общественного целого, развитие которого осуществляется в соответствии с научно обоснованными социальными законами;

- равенство означает уже не равенство личностей-граждан, а равенство элементов социальной машины, условием безотказной работы которой является идентичность и взаимозаменяемость людей-винтиков.

Таким образом, в рамках технологического утопизма происходит подмена понятий. Во-первых, основная ценность «свободы» состоит в возможности спонтанного и индиви-

дуального мышления и поведения личности в социуме, что невольно вносит противоречивость и в определенной степени непредсказуемость социального функционирования. Во-вторых, основная демократическая ценность понятия «равенство» заключается в равенстве возможностей проявления своей индивидуальности, т. е. равенство в разнообразии. Поэтому рационально-технократический вариант демократического контроля власти оборачивается тотальными методами управления элиты, рассматривающей себя как выразительницу общей запрограммированной воли унифицированной безликой массы.

В XX в. в западной научной литературе появилось много работ, посвященных анализу влияния научно-технического прогресса на социально-политическое развитие общества. Так, например, Ж. Эллуль отмечал, что современный экологический кризис нужно понимать как одно из проявлений опасных последствий прогресса, в котором нашла свое отражение рационалистическая мания преобразований: «Современный рационализм воплощается в утопизме, а утопизм – в техницизме; то, что стремится осуществить техник, есть не что иное, что предполагает утопист» [Ellul, 1975, p. 180].

Наиболее жесткие теоретические формы критики научно-технического прогресса можно найти в работах французских ученых (школа «новые философы» – А. Глюксман, Б. Леви, М. Клавель и др.). Согласно их концепции, представляются абсолютно иллюзорными утверждения об улучшении положения вещей в ходе прогресса. Все идейные течения Просвещения – не что иное, как демонстрация высокомерия интеллигенции в ее попытках установить господство над народом путем самочинного возведения себя в ранг учителя, дающего уроки о жизни и обществе. Все это ведет к технократическому элитизму власти, противопоставляющему правящее интеллектуальное меньшинство общей массе людей, где индивид теряет свою самобытность, растворяясь в безликом множестве.

Критики идеологии технократизма (идей «механической солидарности») сошлись во мнении, что принципиальное различие между организмом и механизмом состоит в том, что в основе механизма лежит принцип унификации, а в основе организма – принцип уникальности. Однако индустриальное и во многом и постиндустриальное производство накладывает на поведение и мышление работника печать механистичности. Человек начинает воспринимать общество как «мегамашину», в которой себя самого он воспринимает одной из ее деталей.

Значимые метаморфозы утопизма технократического мышления имеют место в условиях современной глобализации. Парадокс состоит в том, что концепция глобализации в условиях информационного общества породила «персону без лица», живущую иллюзиями духовной свободы в условиях тотальной манипуляции и контроля.

Выбор «свобода или безопасность?» остается дилеммой глобального мира, бесконечность и непредсказуемость которого пугает обывателя, выбирающего всевидящее око «Большого брата». Таким образом, сужается не только пространство личной свободы, но и пространство свободы как условия существования глобального всеединства. Этической нормой становится равнодушие как результат виртуализации сознания, когда под воздействием массированного прессинга политических и развлекательных технологий исчезает грань между реальностью и вымыслом. Формируется мир симулякров, где игровая составляющая возвращает нас в мир детства и безответственности. Жизнь и смерть утрачивают сакральный смысл, становясь разменной монетой в компьютерных играх. Фактически наступает период личностного безвременья и замкнутости, всеобщей отчужденности. Происходит саморазрушение человека и общества.

Однако как любая утопия, глобализация в ее вестернизированном варианте практической реализации, как шагреневая кожа, постепенно исчезает, оставляя после себя многочисленные жертвы социально-политических (либерализм) и духовных (мультикультурализм) экспериментов. Но означает ли это, что вместе с глобализационным проектом Запада исче-

зает и планетарность как пространственно-временная и ментальная характеристика глобального социума? В западном варианте глобализации главенствует концепт унификации, т. е. универсальность понимается как следование образцу, подобию.

«Конец истории» как конец западного проекта глобализации можно определить исходя из положений второго закона термодинамики. Западная модель глобализации в силу своей унификаторской всеобщности является замкнутой, а потому в ней со временем возрастает энтропия, т. е. процесс неопределенности и хаоса. В то же время открытые системы, согласно теории синергетики, обладают свойством самоорганизации, где наблюдается процесс совокупного или кооперативного действия – спонтанного образования высокоупорядоченных структур из хаоса. Таким образом, синергетика исследует явления, происходящие в точке неустойчивости, где и определяется та новая структура, которая возникает за порогом неустойчивости. Поэтому «бифуркационный эффект» современности можно трактовать именно с позиций развития планетарной универсальности, которая рождается из хаотического взаимодействия всей совокупности современных сообществ (цивилизаций, государств, гражданского общества, традиционных обществ и структур и т. д.).

Политические идеи информационного технократизма

В условиях XX в. растущее значение так называемых «белых воротничков» в экономике развитых стран привело к тому, что в политической науке стали возникать многочисленные теории о политических трансформациях управленческих структур государства.

В начале XX в. особенно популярными были теоретические разработки американского социолога и экономиста *Т. Веблена*, который подверг критике иррациональные черты капитализма эпохи свободного предпринимательства, когда государство выступало в роли «ночного сторожа» (политика *laissez-faire*). Так, в работе «Инженеры и система цен» (1919) Т. Веблен отмечал, что технократы обладают достаточными знаниями и умениями, чтобы приводить отстающие в своем развитии государственные институты власти в соответствие с новейшими технологическими изменениями. По его мнению, необходимо провести радикальные реформы государственной власти и заменить «капитанов бизнеса» элитой инженеров, которые будут способны управлять обществом на научно понимаемых принципах рациональности и эффективности.

В свою очередь, *Дж. Бернхейм*, анализируя экономические отношения в развитых странах, писал в работе «Революция менеджеров» (1941) о том, что экономическая власть переходит от капиталиста-собственника к менеджеру-управляющему. Он доказывал, что эффективный контроль и управление собственностью в условиях индустриальной системы может производиться только профессионалами, которые интересуются не политическими и идеологическими утопиями, а чисто технологической эффективностью и производственной рациональностью государственного управления. Таким образом, формулируются положения теории, согласно которой технические специалисты-профессионалы становятся «социальными инженерами», сосредоточивая в своих руках не только власть на производстве, но и власть в государстве.

В 50-х гг. технократическая идея совпала с представлениями о возможности дальнейшего самосовершенствования капиталистического общества (на основе техники) на путях создания гармоничного индустриального общества, от которого ожидали осуществления идеала всеобщего благоденствия. В 60-х гг., в эпоху развитого индустриализма, идея технократии нашла свое отражение в работах американского социолога и экономиста *Дж. Гэлбрейта*, создавшего концепцию «нового индустриального общества». Это общество характеризуется реально осуществленным в крупных производственных корпорациях переходом к власти техноструктуры («носитель коллективного разума»). По мысли Дж. Гэлбрейта,

структура данного типа власти определяется принципом иерархии – от рядовых инженеров до профессиональных управляющих и директоров. Учитывая многоступенчатость процесса принятия решений в сфере государственной власти и его строгую подчиненность научной экспертизе, делается вывод о том, что технотехника в современном мире – «властвующая элита», ибо все в большей степени становится причастной к процессу принятия политических решений.

Во второй половине XX в. в развитых странах в условиях становления постиндустриальной экономики значительно усложнились процессы управления государством, что повлекло за собой необходимость экспертной помощи политикам, часто не обладавшим должной базой знаний. Стало формироваться представление, что руководители государств, избранные народом для управления и принятия решений, утратили самостоятельность, оказавшись в прямой зависимости от экспертократии (ситуация «серого кардинала»).

Можно выделить три основные силы, активно влияющие и осуществляющие в тех или иных формах властные функции: народ; народные представители (депутаты) и государственная бюрократия (исполнительная власть); технократия (экспертотократия, датократия).

Если прямая демократия (народ) и представительная (депутаты) выражают собой народный суверенитет, то государственная бюрократия и технократия являются вспомогательными силами во властных отношениях, однако их роль и влияние огромны.

Фактически эксперты занимаются чисто техническим аспектом общественно значимого вопроса: разрабатывают проекты, осуществляют компьютерное моделирование, дают рекомендации политическим руководителям, от которых и зависит окончательное решение. Однако экспертократия, участвующая в выработке политических программ, бюджетной и налоговой политики государства, существенно влияет на их характер и содержание, на предлагаемые альтернативы и оценку каждой из них. В результате могут быть рекомендованы не самые оптимальные варианты, а лишь те, которые отвечают интересам определенной социальной группы, чьи интересы лоббируются.

Начало 80-х гг. XX в. было ознаменовано новым этапом в теоретических подходах в вопросе о роли технократов в управлении государством и обществом. Появление компьютерной техники повлекло за собой стремительные изменения в процессах коммуникации: появились синтетические информационно-коммуникативные системы, получившие общее название – «телематика».

Именно в этот период американский публицист и футуролог *Элвин Тоффлер* констатировал в своей получившей широкую известность работе «Третья волна» (1980) переход к новой информационной цивилизации – цивилизации «третьей волны» (первая – аграрная цивилизация, вторая – индустриальная). «Информационная цивилизация» требует новых форм социальной жизни в условиях демократии – «компьютерной демократии», где равенство всех членов общества будет определяться их одинаковым отношением к компьютерной и в целом коммуникационной технике: всем гражданам будет дано право участвовать в мгновенных референдумах и давать советы политическим и государственным деятелям, пользуясь персональными компьютерами. Все это создаст условия для непосредственного участия граждан в управлении государством и обществом. По мнению Тоффлера, воздействие компьютеризации на общество гораздо глубже, чем было в свое время воздействие электрификации и других технических открытий и достижений на формирование индустриального общества. Цивилизация «третьей волны» создает гармоничное «общество знания», не имеющее границ для развития культурной и интеллектуальной деятельности человека.

Идеи Э. Тоффлера нашли свое развитие в концепции «информационного общества», где производство и использование научно-технической и любой другой информации считались главными факторами общественного развития. В связи с этим новые технологические возможности, позволяющие перейти к безбумажному делопроизводству, к автоматизации

почтовых услуг, предоставлению банковских услуг через глобальную сеть Интернет, произвести децентрализацию производства и организовать работу на дому, существенно изменить досуг человека, выйти на новый уровень интеллектуального труда и образования (возможность быстрого получения информации через поисковые системы Интернета) стали рассматриваться с точки зрения влияния на социально-политические реалии современности.

Развитие информационного общества должно было внести существенные коррективы в функционирование демократических институтов власти. Так, телекоммуникационная кабельная сеть обеспечит интерактивную (двустороннюю) связь граждан с правительством, позволит учитывать их мнение при выработке политических решений (концепция «компьютерной демократии»).

Однако в этот период сформировалось и противоположное мнение, в основе которого было опасение возрастания под воздействием глобальной компьютеризации возможности манипулирования общественным мнением и сознанием отдельных граждан. Появилось понятие «датированное общество», где многочисленные государственные и частные информационные банки данных дают огромные возможности государственному аппарату использовать информацию в процессе управления, что может привести к негативным последствиям (манипуляция общественным мнением, сбор конфиденциальной информации о гражданах, усиление полицейского контроля и пр.).

В конце XX в. разгорелась дискуссия о том, как влияет процесс компьютеризации общества на политику. По мнению сторонников компьютеризации политики (например, концепция меритократии Д. Белла), развитие информационного общества ведет к исчезновению политики в традиционном значении, когда использовался метод проб и ошибок и решение возникало как результат длительных эмпирических поисков истины. Компьютер, в долю секунды обрабатывающий многовариантный политический материал, делает ненужным политика, заменяя его научными экспертами, работающими с компьютерными банками данных. По мнению ряда западных ученых (У. Роув, Д. Коллингридж, Дж. Уайнштейн и др.), учитывая возрастающий в условиях технологического общества риск пагубных последствий масштабных государственных решений, им должна предшествовать независимая «экспертиза риска». В результате эксперту необходимо из профессионально-беспристрастного поставщика объективных данных стать активным участником принятия политических решений.

Метаморфозы демократии в компьютеризованном обществе

Одна из центральных проблем информационного общества связана с вопросом о демократии, точнее, с вопросом о том пределе, до которого можно прийти демократичным и человеческим, а за которым – стать тоталитарным и унифицированным. Существует убеждение, что свобода – суть человека. Но подтверждается ли это утверждение историческими, психологическими, социологическими и прочими данными? И какова степень потребности человека в свободе: абсолютной или относительной? Размышляя на эту тему, И. Берлин в книге «Четыре эссе о свободе» приводит слова А. Герцена о том, что мы классифицируем все живое по биологическим категориям, исходя из характеристик и привычек, которые по большей части встречаются в сочетании друг с другом. Так, один из отличительных признаков рыб – их способность жить в воде; причем, несмотря на существование летающих рыб, мы не говорим, что природа или сущность рыб вообще – «истинная» цель, для которой они были созданы, – летать, поскольку большинство рыб на это неспособны и не проявляют к тому ни малейшей склонности.

Однако в отношении людей, и только людей, «мы говорим, что природа человека – стремиться к свободе, хотя очень мало людей на протяжении всего длительного существо-

вания рода человеческого действительно стремились к ней, а подавляющее большинство почти всегда не проявляло никакой охоты к свободе и было бы как будто вполне счастливо, когда ими правили другие, стремясь лишь к тому, чтобы правили ими хорошо, обеспечивали вдоволь едой, кровом, устанавливали для него правила жизни, а к самоуправлению не стремились вовсе» [Берлин, 1992, с. 359–360].

Свобода есть некая абсолютная данность, однако ее реализация в социальной действительности сопряжена с фактом деятельного участия индивида в конструировании окружающей его природной, социальной и культурной действительности. От того, в какой мере человек использует объективную данность свободы, во многом зависит прогресс той или иной цивилизации.

Согласно концепции современного исторического развития французского историка П. Шоню, проблема свободы имела свою особенность в различные периоды экономического развития индустриального и постиндустриального общества:

- в эпоху свободного предпринимательства (*laissez-faire*) основное внимание было сконцентрировано на реализации свободы предпринимательской инициативы;
- в период становления экономики массового производства экономическая свобода управленческих структур выходит на первый план;
- в условиях современного постиндустриального развития ценностные акценты сместились к неограниченной свободе потребления.

В результате потребительский образ жизни и производства привел к глобальным проблемам, и встал вопрос о «пределах роста». Выход из данного кризиса Шоню видит в возрождении связей с утраченным прошлым опытом развития. Согласно его точке зрения, утрата наследия, оставленного предками, не может быть возмещена появлением принципиально новых технических решений. Западная цивилизация растеряла прежнюю «прометеевскую» рискованность, волю к жизни, а ведь риск, по мысли Шоню, неотъемлем от жизни, поэтому «самому страшному риску человечество подверглось бы в том случае, если бы цивилизация предпринимателей превратилась теперь в цивилизацию рантье» [Chaunu, 1980, p. 92]. П. Шоню уверен, что «панический экологизм», стремление поставить «пределы роста» экономики вызвано не объективным состоянием природно-хозяйственного комплекса, а утратой веры в собственные силы. Таким же образом никакие новые технологии не страшны человечеству, страшна лишь собственная растерянность. Как раз новые технологии позволяют справиться с любыми затруднениями, вызванными нехваткой ресурсов. Любые трудности технического порядка отступят перед волей к жизни, вооруженной знаниями.

Однако есть и противоположная точка зрения. Так, Л. Мэмфорд утверждает, что технология превратилась в злой механизм, который не дает человеку реализовать свои цели. По его мнению, технология более раннего периода обеспечивала симбиоз природы и человеческих ценностей, однако современная технология становится несоразмерно могущественной и авторитарной по отношению к человеку. В свою очередь, Г. Маркузе и Ж. Эллюль утверждали, что технология превращается в самоцель развития, становясь зачастую хозяином человека, а не его инструментом. Таким образом, технология предстает как внешняя по отношению к человеку сила, заставляющая его действовать в соответствии с объективной логикой ее саморазвития. В такой интерпретации технология превращается в злой рок и рождает чувство страха и обреченности. Еще в 1968 г. французский политолог Р. Арон определил эту тенденцию в общественном устроении как «разочарование в технологическом прогрессе».

Формируется мнение, что технологические изменения могут вызвать катастрофические последствия для демократии. Права и свободы, на которые опиралось индустриальное общество, становятся, по мнению Г. Маркузе, его жертвами. Происходит потеря возможности критической оценки общества, потеря интеллектуальной и политической свободы. В

свою очередь, Ж. Эллюль считает, что мы «технизировали» себя самих ценой традиционных человеческих ценностей: гуманизм стал раболепным прислужником технологического государства. Об этом же пишет и Дж. Дуглас, который обеспокоен «онаучиванием» общества, стремлением привнести методы технических дисциплин в гуманитарные сферы жизни. Это может привести «к превращению философии в лингвистику, лингвистики в математику, психологии в родентологию, социологии в методологию и музыку в компьютерную какофонию» [Douglas, 1970, p. 10].

В связи с этим представляется интересной точка зрения Д. Белла, который отмечает в современном информационном обществе «смещение сфер», когда закономерности научно-технического и производственно-технологического развития неправомерно переносятся на культурную и политическую области общественной жизни. Отсюда следует и неправомерная оценка достижений западной цивилизации, где акцент ставится исключительно на материальной власти человека над природой, и высокий уровень техники признается единственной определяющей чертой современности. По этому поводу важно привести высказывания известного ученого-теолога П. Тиллиха, критически оценивающего результаты развития технологического пути западной цивилизации. Делая упор исключительно на успехах техники и науки, общество лишается смылосодержащего наполнения: «Оно мчится вперед и вперед, со скоростью предрассветных лучей солнца, чтобы покорить все большее и большее пространство всяким человечески возможным способом, чтобы поддерживать неустанный активизм, чтобы всегда что-то планировать, всегда что-то готовить» [Tillich, 1964, p. 48].

В результате человек, «жаждущий подчинить бытие», впадает в зависимость от техники. Формируется мировоззрение, в основе которого лежит технологический гиперболизм и технологический фетишизм:

- с одной стороны, они ведут к ожиданию неизбежных фундаментальных изменений в обществе исключительно как следствие развития науки и техники;
- с другой стороны, они ведут к преувеличению технологического воздействия на все сферы жизни, что, в частности, может привести к безальтернативности в решении социальных проблем.

Такой одномерный подход, по мнению английского ученого М. Арчера, означает «выработку монистического набора ценностей, служащих технологической логике детерминизма и универсализма технологического общества» [Archer, 1990, p. 103].

Оппонентами данных критических антитехницистских воззрений (Д. Лауда, Р. Риан, У. Лейсс и др.) выдвигается ряд аргументов в защиту технологического фактора и его позитивного влияния на общественную жизнь. Их главный тезис сводится к двум важнейшим положениям:

- во-первых, технология нейтральна по отношению к обществу и человеку;
- во-вторых, технология вариативна в путях своего развития.

Поэтому очень важно фокус социальных исследований перенести с анализа условий ускорения технологического развития и его социальных последствий на рассмотрение социальных альтернатив и роли, которую играет или может сыграть определенная технология в их осуществлении. Важно также в рамках обществоведческих исследований выявить те социальные силы, которые определяют выбор технологического развития.

Таким образом, ставится вопрос о необходимости развития соответствующих структур гражданского общества, способных оказывать непосредственное влияние на принятие государственных решений. Появились концепции «участия общественности» в контроле научно-технического развития.

Так, в рамках леволиберального направления политических исследований информационного общества (И. Иллич, П. Гудмен, Р. Хейлброннер, М. Енике) выдвигается идея о необходимости создания «общества гуманного постиндустриализма». Это должен быть аль-

тернативный вариант по отношению к негативным проявлениям современного «супериндустриализма»: гигантомания, военная экспансия, разрушение окружающей среды. Современное государство не способно на качественные изменения в силу «окостенения власти» и «институционального склероза» (парламентская система стара и статична), поэтому необходима «третья управляющая инстанция» – альтернативные гражданские инициативы.

Бесспорно, мировая цивилизация столкнулась сейчас с большими проблемами, вызванными технологическим прогрессом. Появление новых, опасных в том или ином смысле технологий (включая биотехнологии) заставило усомниться в необходимости дальнейшего технологического развития. Сложность проблемы определяется, с одной стороны, необходимостью признания первостепенной важности технологий для развития общества, а с другой стороны, необходимостью признания «центрального значения общественных отношений, определяющих направление ее развития, и социальных последствий этого развития. Только таким путем можно избежать как технологического детерминизма, так и недооценки роли технологического развития» [Badham, 1986, p. 7].

Развитие технологий во многом определяется той «социальной системой поддержки» (Д. Белл), в которой она функционирует. Поэтому кризисные ситуации в социально-политической и экономической сферах жизнедеятельности общества относительно мало зависят от технологического фактора, а главная причина их возникновения кроется в недостаточной проработанности механизмов принятия решений касательно тех или иных моделей технологического развития.

Р. Арон отмечает заслугу К. Маркса в понимании того факта, что развитие производительных сил в условиях капитализма требует новых критериев в определении характера общества. По мнению французского социолога, особенность индустриального общества – в технологическом прогрессе, благодаря чему общество в состоянии постепенно смягчить не только различия социального положения, но и различия в доходах и образе жизни.

Фактически тенденции, обозначившиеся в эпоху индустриального общества, нашли свое продолжение и в современном развитии информационного общества. Если рассмотреть новые технологии с социальной точки зрения, то их развитие сделало возможным повышение жизненного уровня, продолжительности жизни, освобождение от физически тяжелых и неприятных работ: «голодный, холодный, больной – не может быть самим собой. Поэтому технология может рассматриваться как освободитель» [Niel, 1986, p. 336]. Расхожим также является утверждение, что технология разбудила интеллект (Дж. Фурастье, Л. Арманд), поскольку способность изобретать, творить становится важнейшей основой трудовой деятельности.

В связи с этим важно понять механизмы влияния информационных технологий на демократические ценности современного общества. Еще в XIX в. А. Токвиль выявил присущую всем современным обществам тенденцию к демократизации. В настоящее время информационные технологии существенно влияют на практику демократии, изменяя взаимоотношения государства и граждан. Фактически можно говорить о наступлении эпохи «компьютеризированной политики» [Батурин, 1991, с. 33].

Наиболее верной представляется точка зрения ряда наших политологов (например, А. И. Ракитова), что технологию любого рода можно понять только в связи с социальной структурой, в рамках которой происходит ее использование. Поэтому можно говорить о феномене «технологической культуры», которая, с одной стороны, влияет на формирование социально-политической сферы власти, а с другой стороны – сама определяется уровнем развития демократических институтов в практике социальной жизни. Если в развитых странах политические системы способны воспринять технологические инновации без отказа от основополагающих традиций и политических институтов, то в развивающихся странах

информационные технологии могут лишь усилить авторитарные режимы, создавая необходимые условия для контроля за гражданами.

«Технологическая культура» – это производная от политической культуры общества, поэтому степень и качество использования информационных технологий свидетельствуют о характере политической системы того или иного государства. В последнее время много говорится о расширении участия граждан в общественном управлении благодаря интерактивной компьютерной связи, т. е. возник вопрос о перераспределении властных полномочий между представительной и прямой формами демократии.

Концепция «демократия участия»

Рассматриваются возможности электронного расширения прямой демократии. Основные положения концепции «демократии участия» сводятся к следующим:

- правительство граждан должно заменить правительство профессионалов;
- прямая демократия становится альтернативой представительной форме власти;
- прямое самоуправление приходит на смену власти бюрократов.

Информационные технологии выступают как средство децентрализации, демократизации и обеспечения прав граждан. С их помощью становится возможным:

- участие граждан в управлении обществом с помощью электронных опросов общественного мнения (плебисциты);
- создание общенациональных систем дебатов, региональных ассамблей местных жителей («ассамблеи соседей»), организация гражданского обучения политической культуре и т. д.

Одним словом, не выходя из дома каждый гражданин может участвовать в электронных политических форумах, активно вникать в животрепещущие проблемы страны. В свое время Аристотель сказал, что идеальный размер для демократического государства определяется дистанцией, которую гражданин может пройти за день, чтобы иметь возможность посещать народное собрание. Однако в современных информационных условиях дистанция становится скорее функцией не пространства, а времени. Человеку теперь совсем не обязательно вообще выходить из дома, чтобы с помощью интерактивной связи принимать участие в общественной жизни. Возможности интерактивной связи высоко оцениваются рядом политологов как способ технологического преодоления политической апатии граждан. «Если считать процент фактически голосующих избирателей критерием демократизма политической системы, то современная американская система намного менее демократична, чем любая другая западная политическая система, предполагающая свободные выборы» [Burnham, 1983, p. 121].

Для преодоления политической апатии необходимо научить людей демократии, чему и должны помочь компьютерные технологии, которые видятся сторонникам концепции «демократии участия» инструментом для возрождения прямой античной демократии. Бесспорно, развитие тех или иных форм демократии участия фактически ведет к большему учету общественного мнения в принятии властных решений. Однако выраженная в электронных референдумах или теледебатах народная воля представляет собой волю более активной части граждан, но считать референдум выражением общей воли граждан нельзя. Как отмечал в свое время Дж. С. Милль, привлечение всех к участию в законодательстве создает для общественного мнения лишь возможность проявиться с большей силой; оно не может переродить самого общественного мнения – пассивности, разделений на отдельные и противоречивые голоса, его зависимости от известного руководства активных политических деятелей.

Фактически речь идет о «тирании общественного мнения», когда умелые демагоги, харизматические лидеры с диктаторскими замашками могут умело воспользоваться «мнением человека с улицы», чье «некомпетентное большинство» отнюдь не будет означать правильность выбора. История дает классический пример – смертный приговор Сократу, подтверждающий положение о том, что справедливость какого-либо суждения определяется внутренними признаками, а не количеством признающих голосов. Можно заметить, что один из принципов средневекового правления в Европе состоял в следующем: голоса следуют взвешивать, а не считать.

Развитие прямой компьютерной демократии вызывает ряд противоречивых оценок:

- возрастает роль рядового гражданина в принятии решений законодательного характера. Высказанное многомиллионной аудиторией мнение не может не быть учтено парламентариями (например, проведение электронных плебисцитов по вопросам запрещения абортотв или отмене смертной казни);
- растет информированность и политическая грамотность, что позволяет лучше разбираться в агитационных программах перед выборами;
- возрастает возможность манипуляции общественным мнением благодаря средствам массовой коммуникации: умелый подбор информации, ее психологическая окраска, выбор времени подачи информации, а также сознательное умолчание тех или иных фактов, могут привести к «нежелательным результатам».

Теория «адхократии»

Электронная трансформация экономики поставила на повестку дня вопрос об изменении распределения властных функций в экономике информационного общества. С одной стороны, информационная технология индивидуализирует труд, рабочее место образуется везде, где есть компьютер и Интернет, а потому должны измениться властные взаимоотношения на производстве: власть бюрократии должна уступить место власти самих работников. С другой стороны, «информационная технология выступает как агент не новой унификации, а разнообразия и беспорядка. Все становится менее контролируемым, менее программируемым, менее управляемым из бюрократического центра» [Street, 1988, p. 13].

Эту тенденцию в развитии и изменении властных отношений Э. Тоффлер определил как становление «адхократии» (лат. *ad hoc* – для данного случая, для этой цели). Работники не занимают фиксированного положения в организационной структуре, позиции становятся подвижными, разнообразными, постоянно изменяющимися. Иерархические структуры распадаются, поскольку ключевым принципом адхократической организации является ее временный характер. Это объединение людей, работающих над определенной темой или проектом, широко использующих информационную технику. Новые организационные формы воспитывают у работников совершенно иные качества, чем бюрократическая организация, где главными достоинствами считались исполнительность и беспрекословное подчинение вышестоящим, т. е. «общество эволюционирует к полностью антибюрократическим властным формам» [Toffler, 1990, p. 177].

По мнению Э. Тоффлера, дифференциация затрагивает как бытовые потребности людей, так и их политические взгляды, а потому можно говорить о «мозаичной демократии», ориентированной на отдельного человека. В итоге американский политолог склоняется к мысли, что информационная технология ведет к перераспределению властных полномочий в рамках западной демократии. Возникает «полупрямая демократия», для которой характерны следующие признаки:

- повышение образовательного уровня граждан под воздействием информационных потоков;

- информационная осведомленность позволит гражданам стать «компетентным большинством» в принятии решений;
- понижается роль представительной власти, вынужденной отдавать управленческие функции экспертократии в условиях «общества знаний».

Концепция «меритократии»

В условиях информационного общества происходит, по мнению Д. Белла, заметная трансформация социального состава общества. Это связано прежде всего с влиянием высоких технологий на образовательный, культурный уровень основных социальных слоев. Происходит формирование профессиональной социально-психологической и политической общности. Фактически подавляющее большинство населения западных стран профессионально связано с информационной технологией, что должно повлиять на формирование соответствующих властвующих элит. Д. Белл полагает, что именно эта широкая социальная база и станет основой для создания *меритократии* (власти мудрых и достойных).

Меритократия – это власть людей, чьи заслуги и способность управлять определяются высочайшим информационным профессионализмом. Д. Белл выдвигает идею о том, что необходимо в условиях формирования новой системы социальных и профессиональных отношений обеспечить разработку законодательной базы информационного общества, чтобы предотвратить информационный тоталитаризм и преступность (компьютерные преступления). Особую значимость Д. Белл придает вопросам повышения демократического контроля за мерой и формами использования информационных ресурсов в социальной и политической сферах жизни. Фактически в центр своей модели политической власти, призванной обеспечить стабильность демократического правления, Д. Белл ставит личность, обладающую особыми качествами мудрости и профессионализма и руководствующуюся в своем политическом поведении демократическими ценностными основаниями.

Идея «датократии»

Идея о понижении в условиях информационного общества значения представительной формы власти прослеживается в работах многих политологов, защищающих принципы элитизма демократического правления в форме технократии: идея демоархии (Г. Моргентхау, Ф. Хайек), концепция меритократии (Д. Белл), теория экспертократии (У. Роув, Д. Коллингридж).

Если суммировать все характерные черты тех или иных терминологических модификаций, то в целом технократию можно определить как власть, основанную на научном знании, где политические решения принимаются в результате компьютерного моделирования политических и экономических ситуаций. Таким образом, компьютерное моделирование дает возможность выработать оптимальный вариант политического решения. Поэтому исчезает необходимость каких-либо публичных дебатов, коллективного парламентского обсуждения. Публичный политик рассматривается как устаревшая модель управления, поскольку он не обладает компетентным знанием о современном технологическом обществе и не способен принимать безошибочные решения.

Машинная рациональность становится важнейшей чертой управленческого процесса, а потому компьютер как главный инструмент для интеллектуальной обработки данных и выработки экспертных решений начинает рассматриваться как замена человеческому разуму. «Обещая заменить человека, компьютер приводит нас к новому определению человека как "информационного процессора" ... наделяя машину способностью мыслить... человек заново создает себя, определяет себя как машину» [Simon, 1983, p. 13].

В связи с этим в политической науке появилось символическое определение человека в компьютеризированном мире – «Тьюрингов человек» (А. Тьюринг – один из создателей компьютерной теории), т. е. человек, который в силу тесной и продолжительной работы с компьютером начинает «думать и говорить в терминах, требуемых машиной».

Таким образом, можно констатировать ряд серьезных проблем в современном политическом управлении:

- эксперты, создающие на основе компьютерных моделей практические рекомендации по основным направлениям политики государства, абсолютно не учитывают в своих оценках и рекомендациях нравственные и иные ценностные гуманистические критерии как не подлежащие компьютерной обработке, а значит, не имеющие практического смысла;
- компьютеризированные решения полностью детерминированы машинной рациональностью, а значит, с экспертов и политиков снимается ответственность за эти решения, что ведет к социальной бесконтрольности государственной машины;
- информационная технология служит средством для формирования власти элиты, где знания и власть можно рассмотреть как пирамиды: чем выше уровень знания, тем меньшее число людей должно владеть им: «Властное знание (знание с высокой социальной ценностью) включено в комплекс символических систем (специальный профессиональный язык и кнопочные коды), интерпретировать которые может лишь тот, кто их изобрел» [Knowledge, Skill and Artificial Intelligence, 1988, p. 97].

Таким образом, идет процесс формирования «*датократии*», т. е. круга лиц, обладающих привилегированным доступом к особо важным информационным данным и знаниям. Хотя результаты политологических исследований и указывают на то, что в подавляющем числе случаев профессионалы в области компьютерной информации имеют мало власти, однако их огромное влияние достаточно для того, чтобы говорить о датократии. Датократы не являются пассивными источниками информации. Ее необходимо определить, отобрать, получить и организовать в пригодную для данной информационной системы форму. Они также ответственны за идентификацию и отбор допустимых альтернатив, оценку их последствий и т. д. Эта деятельность вплотную подводит к принятию решений.

В связи с этим важно подчеркнуть, что от экспертов все в большей степени зависят политики, которые, не обладая должными объемами знаний, призваны руководить высоко компьютеризированным обществом, а потому вынуждены доверяться экспертам во все большей степени. Так, «правительство США регулярно оказывается под властью "думающих голов", поскольку использует купленные у них рекомендации и решения» [Clarke, Pavlov, 1985, p. 268].

Информация и контроль над ней становятся главными рычагами власти, а потому основной характеристикой датократии является контроль над банками данных и практически монопольное владение экспертными знаниями в силу высокой степени сложности получения экспертного знания и необходимости сохранения тайны как государственной, так и корпоративной. Власть датократии неизбежно будет возрастать в связи с большим усложнением управленческих процессов. Решения по военным или производственным проектам связаны с риском стохастических последствий, что грозит техногенными катастрофами. Поэтому ряд ученых (У. Роув, Дж. Уайнстэйн) считают, что властные полномочия должны распространяться на независимую экспертизу высокопрофессиональных научно-технических специалистов, которые и обязаны принимать решения. Этот «серый кардинал» фактически представляет собой элиту, которая имеет широкую социальную базу благодаря бурному развитию информационной экономики.

Таким образом, проблема зависимости политики от технократии является одним из важнейших вопросов выживания демократии в информационном обществе. Именно владение и распоряжение информацией становится ключевым вопросом распределения властных

полномочий в условиях современных демократических государств. В связи с этим возможности представительной формы власти в условиях информационных технологий можно оценить двояко. По мнению ряда политологов (например, Э. Тоффлера), превращение депутатов в «политиков на витрине» становится непреложным фактом, что в перспективе может привести к исчезновению этой формы власти под давлением датографии, с одной стороны, и гражданского общества, самостоятельно вырабатывающего политические решения, с другой.

Выводы

Информация пронизывает процессы живой и неживой природы. Она является предметом изучения в различных областях научного знания. Особое значение приобретает социальная информация, циркуляция которой в национальных и международных масштабах служит одной из основополагающих предпосылок существования и развития мира и человека.

Информация, связанная с жизнедеятельностью человека, имеет свои отличительные черты, одной из которых является ее знаковый характер. Благодаря работе человеческого сознания различные знаковые образования обретают значение и наполняются личностным смыслом.

При этом особенно следует подчеркнуть, что в жизни современного человека огромную роль играют не просто знаки, а знаки, объединенные в систему текста, метатекста и дискурса. Человек с момента его превращения в человека производящего – *Homo faber* – живет в мире артефактов, в том числе имеющих знаковое наполнение. Мир познается сквозь призму информации, которую несут в себе эти артефакты, прежде всего тексты, метатексты и дискурсы. В современных условиях возникает ощущение, что именно они и есть этот мир. Маленький пример: после технологического переоснащения английских СМИ журналисты перестали выезжать на место события, предпочитая обращаться к информации, которую они могли почерпнуть из Интернета. Мы тоже часто принимаем отражение за отражаемое, не видя в них существенной разницы. Потому осмысление феномена текста чрезвычайно важно не только в теоретическом, но и в общежитийском плане.

Информация и знание – явления, тесно связанные между собой. Существует мнение, что информация – это востребованное знание. Не случайно наше время называют и «веком информации», и «веком знания».

Информация и коммуникация не только находятся в постоянном взаимодействии, но и не могут существовать друг без друга. Любые виды коммуникации связаны с процессами передачи и получения информации. Особый характер приобретает массовая коммуникация, которая занимает существенное место в общественной жизни и обладает как огромным позитивным потенциалом, так и не менее значительными возможностями манипулятивного воздействия как на внутреннем, так и на международном уровнях.

Несмотря на то, что признаки глобализации проявляются практически во всех сферах – экономике, культуре, политике, социальной жизни, коммуникации, именно информационная составляющая выступает в качестве сущностной характеристики глобализации, обуславливая качественное своеобразие каждого из этапов ее развертывания. Подчас ставится знак равенства между глобализацией и продвижением человечества в сторону информационного общества.

В соответствии со стандартами ЮНЕСКО информационная технология включает в себя вычислительную технику, программно-математическое обеспечение, разработку машинных языков, создание искусственного интеллекта. Вопрос о социальных изменениях, порождаемых быстрым развитием и внедрением новой информационной технологии, широко дискутируется специалистами-политологами. В последнее время волна однозначно оптимистических оценок (З. Бжезинский, М. Маклюэн) сменилась достаточно широкой волной критических оценок (Ш. Эллюль, Т. Роззак, Э. Фромм); одновременно с этим все больший авторитет приобретают технологические концепции общесоциального плана, базирующиеся на изучении конкретных социально-экономических проявлений информационной технологии (Э. Тоффлер, Д. Белл, Й. Масуда, Д. Робертсон).

Проблема формирования единого информационного пространства на глобальном уровне пока остается нерешенной. Наличие единого информационного пространства озна-

чает, что в любой его точке каждый человек может получить минимально необходимые сведения для того, чтобы быть достаточно информированным.

Технократические идеи управления обществом стали активно входить в политическую практику в условиях индустриального общества и приобрели свою наиболее развитую форму в эпоху компьютеризированной власти, когда все более и более усложняющийся процесс управления социумом стал теоретически обосновываться в терминах технократии.

Подводя некоторый итог, нужно отметить, что современные технические средства никогда не смогут изменить те социальные условия, которые возникают из фундаментальных структур цивилизационного развития. Скорее наоборот, информационная технология и система телематики значительно обостряют проблему выбора между безграничной и рационально ограниченной индивидуальной свободой, между личным политическим участием в прямой демократии и представительной формой организации властных отношений.

Таким образом, необходимо осознать цели, которые преследует как отдельная личность, так и общество в целом, чтобы эффективно использовать технологические средства их достижения. Это требует организации соответствующего демократического контроля за способами применения высоких технологий в социально-политической области. В связи с этим и возникает вопрос о распределении властных полномочий в рамках демократического управления современным информационным обществом.

Контрольные вопросы и задания

1. Какую роль играет информация в жизни современного общества?
2. Каковы исторические причины и предпосылки глобализации информационного пространства?
3. Что такое информация? Каким образом она формируется?
4. Что следует понимать под дискурсом?
5. В чем видятся противоречия современного этапа глобализации?
6. Какие основные концепции технократического элитизма существуют и в чем их основные особенности?
7. Какие пространственно-временные изменения происходят в современном мире под воздействием информационно-коммуникационных процессов?

Рекомендуемая литература

Бусыгина И. М. Политическая география. Формирование политической карты мира: учебник / И. М. Бусыгина. – М.: Проспект, 2011. – 384 с.

Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России / И. В. Зеленева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 268 с.

Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность / С. М. Виноградова [и др.]. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 211 с.

Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник / С. Г. Корконосенко. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 316 с.

Прохоров Е. П. Журналистика и демократия: учеб. пособие / Е. П. Прохоров. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 350 с.

Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.

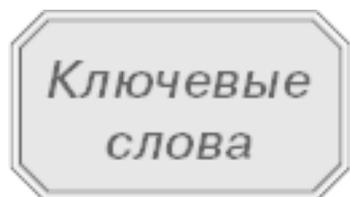
Fortner R. S. International communication: history, conflict and control of the global metropolis / R. S. Fortner – Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1993. – 390 p.

Towards equity in global communication: MacBride update / R. C. Vincent [etc]. – Cresskill: Hampton Press, 1999. – 380 p.

Глава 2

Классические концепции информационного общества в мировом политологическом дискурсе

Глава посвящена истории развития теоретических основ концепции информационного общества. Рассмотрены ключевые классические теоретические концепции, предложенные такими известными зарубежными учеными, как Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, Т. Стоуньер и др. Также в главе представлены взгляды наиболее известных российских авторов, поднимавших в своих исследованиях проблему формирования информационного общества. Среди них – А. Ракитов, Н. Моисеев, В. Иноземцев и некоторые другие. Кроме того, в главе дан анализ теоретических воззрений тех исследователей (Г. Шиллер, Э. Гидденс), которые выступили с определенной критикой классической западной концепции информационного общества и считают необходимым разработку альтернативной модели построения информационного общества, которая в полной мере отражала бы интересы развивающихся стран.

Информационное общество, постиндустриальное общество, посткапиталистическое общество, сетевое общество, общество сетевых структур.

В результате освоения данной главы обучающийся должен:

знать

основные теоретические концепции построения информационного общества, предложенные как зарубежными, так и отечественными учеными;

уметь

свободно ориентироваться в обширном теоретическом материале, посвященном рассматриваемой проблематике;

владеть

знаниями основ классических теорий, раскрывающих закономерности производства, распространения и получения информации на международном уровне.

2.1. Зарождение концепции информационного общества

Дискуссии относительно характера формирующегося информационного общества начались практически одновременно с появлением первых компьютеров и компьютерных сетей, когда стало очевидно, что нарождающийся процесс компьютеризации со временем предоставит людям доступ к огромным информационным ресурсам и базам данных и обеспечит высокий уровень автоматизации производства.

При этом особенно следует подчеркнуть, что сама по себе компьютеризация производства не будет означать неизбежного перехода от индустриального общества к постиндустриальному, информационному. Дело в том, что при более детальном изучении полная автоматизация производства – это цель научно-технической революции, характерной для эпохи индустриализма и начавшейся в наиболее развитых обществах еще в XIX в. Следствием компьютеризации производства является сокращение общего числа работников, занятых в промышленности, что в индустриальном обществе неизбежно приводит к росту безработицы. Однако сегодня налицо перераспределение рабочей силы, связанное с постоянным процессом создания новых рабочих мест в сфере услуг, которая становится доминирующим сектором экономики и нацелена на удовлетворение новых потребностей.

«Идея главенствующей роли знаний и информации, а также их носителей (человеческий потенциал) в социально-экономическом развитии ныне стала общим местом в большинстве концепций экономического прогресса» [Рунов, 2009, с. 40]. Указанную концепцию принято именовать «инновационным путем развития». Речь идет о внедрении кардинально новых, инновационных технологий, вследствие которых на первый план неизбежно выходит производство нового знания и доведение его до состояния информационного и технологического ресурса, что со временем должно привести к преобразованию современного общества в общество знаний, а современной экономики – в экономику знаний.

Основным содержанием концепций постиндустриального информационного общества должен стать анализ социальных изменений, связанных с происходящей информационно-технологической революцией и вызванным ею бурным развитием современных информационных технологий и средств связи. «Заложенный в них прогностический потенциал имеет огромное практическое значение, прежде всего для выработки научно-обоснованной, долгосрочной стратегии реформирования общества» [Ведин, 2002], которая должна быть взята за основу национальными правительствами при подготовке концепции построения информационного общества. На пути в информационное общество государству следует уделить много внимания развитию национальной научной школы.

Аддитивная концепция информационного постиндустриального общества за последние 50 лет «проделала определенную эволюцию от прагматической трактовки роли знания как нематериального ресурса в условиях экономической и геополитической конкуренции до понимания ценности знания как фактора, по-новому структурирующего все сферы социальной жизни» [Общество знания: от идеи к практике, 2008, с. 4].

Далее будут рассмотрены основные этапы эволюционного развития концепции информационного общества. Надо отметить, что поиск истоков этой концепции представляет собой определенную трудность. Существует расхожее мнение о том, что первые упоминания об информационном обществе появились в названиях отчетов, которые были подготовлены для японского правительства Агентством экономического планирования, Институтом разработки использования компьютеров, а также Советом по структуре промышленности. Названия этих отчетов говорят сами за себя: «Японское информационное общество: темы и подходы» (1969 г.), «Контур политики содействия информатизации японского обще-

ства» (1969 г.), «План информационного общества» (1971 г.). В указанных отчетах содержание концепции информационного общества сводилось к его технической стороне, т. е. к активизации процесса всеобщей компьютеризации, которая «предоставит людям доступ к надежным источникам информации и избавит их от рутинной работы, обеспечив высокий уровень автоматизации производства» [Чернов, 2002, с. 34].

Однако на самом деле термин «информационное общество» появился как минимум на десятилетие раньше указанных выше отчетов. Одним из первых его употребил в 1958 г. американский социолог *Дэвид Рисмен* в своей статье «Досуг и работа в постиндустриальном обществе». А в следующем 1959 г. другой американский социолог – Дэниел Белл, которого справедливо считают отцом-основателем классической концепции постиндустриального общества, на состоявшемся в Зальцбурге международном социологическом семинаре впервые охарактеризовал грядущее постиндустриальное общество как общество, в котором основное внимание уделяется знаниям и информации.

Наконец, в 1962 г. в США известный австрийский экономист *Ф. Махлуп* опубликовал работу «Производство и распределение знания в Соединенных Штатах», в которой была впервые предпринята попытка оценить значение информационной деятельности в различных секторах экономики. В этой книге Махлуп ввел понятие «экономика знания», являющееся результатом его анализа вклада информационной деятельности в валовой национальный продукт. Именно идеи Ф. Махлупа легли в основу всех последующих концепций информационного общества.

Несколько позднее, в 1965 г., в США была сформирована специализированная комиссия по изучению перспектив развития общественного прогресса до 2000 г. Дэниел Белл был назначен руководителем этой комиссии, основные результаты работы которой были изложены в вышедшем в 1968 г. сборнике «В направлении 2000 г.». С этого времени, по сути, и начинается систематическое осмысление концепции постиндустриального общества и проблем перехода к нему.

2.2. Классические зарубежные концепции информационного общества

В основе классической зарубежной концепции информационного общества лежат теоретические выкладки известного американского социолога *Дэниела Белла*, получившие апробацию в двух работах – в опубликованном в 1973 г. фундаментальном трактате «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» и в вышедшей в 1980 г. книге «Социальные рамки информационного общества». В этих работах исследователь очертил контуры будущего общества. Монография Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» несколько раз переиздавалась. И каждое новое издание снабжалось предисловием, в котором Д. Белл осмысливал свою авторскую концепцию постиндустриального общества на определенном этапе развития общественного прогресса. В связи с этим особый интерес представляют предисловия к изданиям 1976 г. и 1999 г.

Без сомнения, работой, которая стала кульминацией всего научного творчества Д. Белла, следует считать его труд «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования». Он представляется очень большим по объему и состоит из введения, шести глав и эпилога. Данная работа в основном посвящена определению тех основных ключевых тенденций, которые, по мнению автора, будут доминировать в формирующемся новом социальном укладе, основанном на знании и информации.

Пожалуй, наиболее известная составляющая теоретической концепции Д. Белла – это стадийный подход к анализу общеисторического процесса, который в последующем был использован и другими исследователями, занимающимися данной проблематикой. Однако сам Д. Белл отмечал, что любое деление исторических процессов на периоды и этапы является достаточно условным и отнюдь не означает кардинальный слом устоявшихся форм общественной жизни. Скорее, можно говорить о последовательном переходе того или иного общества, достигшего определенного уровня социально-экономического развития, с более низкой ступени общественной формации на более высокую. Объективным же фактом, по мнению Д. Белла, являются три технологические революции, которые произошли на Западе за минувшие столетия.

Первая такая революция произошла в наиболее развитых странах более двухсот лет назад, когда была изобретена паровая машина, позволившая существенным образом увеличить количество материальных благ, произведенных за единицу времени. Кроме того, сила пара дала толчок разработке и внедрению в промышленность разнообразных технологических новаций, основная задача которых – увеличить производительность труда.

Вторую технологическую революцию, которая, по мнению Д. Белла, произошла около ста лет назад, следует связать с достижениями в двух областях – электричестве и химии. Электричество – это прежде всего новый, более совершенный вид энергии, которую, в отличие от пара, можно передавать на большие расстояния. Именно ввод в промышленную эксплуатацию электроэнергии дал возможность положить начало процессу децентрализации производства, что было невозможным при применении паровой энергии и заставляло компактным образом сосредоточивать все машины на одной фабрике. Кроме того, электричество также предоставило новый источник света, который позволил организовать бесперебойное производство в темное время суток. Электричество также дало возможность передавать кодированные сообщения по проводам и трансформировать голос в электрические сигналы, что стало предвестником возникновения радио и телефона, появление которых означало переворот в сфере коммуникационных технологий. Достижения в области

химии прежде всего способствовали созданию синтетических материалов, не существующих в природе.

Сегодня, по мнению Д. Белла, происходит третья технологическая революция, в основе которой лежат четыре новации: во-первых, происходит замена механических, электрических и электромеханических систем на электронные; во-вторых, наметилась устойчивая тенденция к миниатюризации техники; в-третьих, набирает обороты процесс преобразования в цифровую форму; в-четвертых, активно развивается новое программное обеспечение. Таким образом, можно сделать вывод, что в основе перехода от одной стадии развития человечества к другой лежат определенные новации, иными словами, знания и информация, кардинальным образом меняющие устоявшиеся общественные отношения.

В своей авторской концепции Д. Белл всю историю западной цивилизации подразделил на *три стадии: аграрную (доиндустриальную), индустриальную и постиндустриальную (информационную)*.

В основе *доиндустриального общества*, по мнению Д. Белла, лежит добыча и первичная обработка природных ресурсов, которые необходимы для удовлетворения самых насущных потребностей человека. Речь идет преимущественно о таких видах хозяйственной деятельности, как добыча полезных ископаемых, земледелие, рыболовство, заготовка древесины. В целом Д. Белл определяет этот тип общества как «взаимодействие человека с природой», которое всецело зависит от погодных условий и усложняется вследствие истощения почв, истощения природных ресурсов. Труд в таком обществе является по большей части неквалифицированным.

Переход к *индустриальному обществу* стал возможным тогда, когда в обществе было накоплено достаточное количество знания, чтобы при помощи открытых источников энергии (силы пара, а затем электричества) организовать массовое производство товаров, и в результате стали появляться первые заводы и фабрики. Именно становление фабричного хозяйства является отличительной приметой индустриального общества, в рамках которого добыча природных ресурсов постепенно уходит на второй план, уступая место производству определенных продуктов. С усложнением производственных процессов растет и квалификация работника. Основным производственным компонентом теперь становится энергия. Труд в таком обществе представляет собой «взаимодействие человека с искусственной природой».

И, наконец, отличительной особенностью грядущего *постиндустриального общества*, которое приходит на смену индустриальной стадии общественного развития, согласно теоретическим воззрениям Д. Белла, является доминирование деятельности, связанной с созданием, хранением, обработкой и передачей информации и данных. Таким образом, в формирующемся постиндустриальном обществе важным стратегическим ресурсом являются информация и информационные системы. Основными работниками становятся высококвалифицированные специалисты – системные администраторы, инженеры и ученые, которые занимаются созданием новых, более совершенных информационных технологий, программного обеспечения, а также баз данных высокой степени надежности для безопасного хранения информационных ресурсов.

В отличие от индустриального общества, в котором главной целью являлось производство материальных благ и средств производства, сущность постиндустриальной стадии развития человечества Белл видел в постепенной переориентации производства от материальной сферы в сторону сферы услуг. Основной упор в своей концепции Белл делал не на то обстоятельство, что всеобщая компьютеризация неизбежно приведет к автоматизации производства, а на тот факт, что в новом постиндустриальном обществе произойдет неременная смена экономических приоритетов в сторону нематериального производства.

Таким образом, опираясь на предложенную Д. Беллом теоретическую концепцию, можно сделать вывод, что доиндустриальное общество является в основном добывающим и базируется на сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, в том числе нефти и природного газа, а также рыболовстве и заготовке древесины. Следовательно, те страны, в экономике которых продолжает доминировать добывающий сектор, являются доиндустриальными. В индустриальном обществе при помощи энергии и специализированного машинного оборудования организовано массовое производство различных товаров, способных удовлетворить разносторонние потребности людей. Иными словами, это товаропроизводящее общество. Наконец, в постиндустриальном обществе начинает доминировать сфера услуг, большинство из которых связаны с производством, обработкой, хранением и передачей информации, а сам информационный обмен происходит при помощи современных телекоммуникационных и компьютерных технологий.

При этом сам Д. Белл признает, что услуги как таковые не являются отличительной приметой исключительно постиндустриального общества. Они играют важную роль в любом обществе. Однако каждое общество обладает своим набором услуг. Если в доиндустриальном общественном строе – это, в основном, домашние и личные услуги, то в обществе индустриальном доминировать начинают услуги, обеспечивающие вспомогательную по отношению к производству деятельность – транспорт (включая гаражи и ремонтные мастерские), различные коммунальные службы, а также сфера финансов и управление недвижимостью. В постиндустриальном обществе на первый план выходят принципиально иные виды услуг, которые условно можно разделить на две большие категории: гуманитарные и профессиональные. К первой относятся образование, здравоохранение, социальные службы, а ко второй – консалтинг, анализ и планирование, дизайн, программирование, информационный менеджмент и пр.

После того как в своей работе Д. Белл дал подробную характеристику всех трех стадий общественной формации, он задался вопросом о том, каким является характер перехода от одного типа общества к другому. Иными словами, речь идет о поиске той условной точки, пройдя через которую, можно с уверенностью заявить о том, что данное общество готово перейти на более высокую стадию своего развития из аграрного в индустриальное и из индустриального – в постиндустриальное.

Надо сказать, что этот вопрос представляется дискуссионным, и каждый исследователь решает эту проблему по-своему. Д. Белл отмечает, что очень сложно провести ту грань, которая отделяет один тип общества от другого. В своем труде он указывает на то, что сама концепция индустриального способа производства не возникла из аграрного. Точно так же идея постиндустриализма автоматически не следует из индустриального общества. Он называет определяющие принципы, которые характеризуют более высокий уровень общественного развития, а именно – роль энергии в индустриальном обществе и значение теоретического знания и информации в постиндустриальном – аналитически независимыми принципами.

Между тем Д. Белл не считает возможным четко датировать возникновение всех перечисленных в его исследовании ступеней общественного развития. Объясняет он это тем, что очень сложно подобрать точные критерии, которые помогли бы определить, когда, например, капиталистический строй сменил феодальный. Однако, замечает исследователь, некоторые хронологические рамки провести все-таки возможно. Согласно его концепции, этим символическим водоразделом может служить технология. Так, изобретение паровых машин в странах Западной Европы и организация массового производства товаров обозначили переход из аграрной стадии развития человечества в индустриальную, а появление компьютеров, сети Интернет и прочих современных телекоммуникационных технологий свидетельствует о начале движения к постиндустриальному обществу, поскольку новые технологии стимулируют определенные изменения в сфере общественных отношений.

При этом Д. Белл особенно подчеркивает, что начинающие доминировать в обществе новые тенденции, знаменующие переход на качественно новый этап общественного развития, не означают автоматического разрушения и кардинального слома устоявшихся общественных отношений. В Предисловии к изданию 1976 г. исследователь отмечает, что «постиндустриальное общество... не замещает индустриальное, так же как индустриальное общество не ликвидирует аграрный сектор экономики. Подобно тому, как на древние фрески в последующие эпохи наносятся новые и новые изображения, более поздние общественные явления накладываются на предыдущие слои, стирая некоторые черты и наращивая ткань общества как единого целого» [Белл, 2004, с. CLIV].

Другой важный тезис, который в ходе своего исследования высказывает Д. Белл, заключается в том, что американский социолог признает возможность многовариантности развития. Он считает, что в мире нет и не может быть единой модели построения информационного общества. Напротив, каждое общество, государство должно решать эту задачу по-своему и своими методами, без оглядки на другие страны, но опираясь исключительно на свой уровень социально-экономического развития, исторические традиции и культурные особенности. Таким образом, американский социолог не является сторонником построения единого универсального глобального информационного общества, в котором стерты национальные черты и которое строится исключительно на передовом опыте одного или нескольких высокоразвитых государств.

Давая характеристику постиндустриальному обществу, Д. Белл отмечает два важных тезиса. Во-первых, он не предлагает рассматривать постиндустриальное общество в качестве законченной картины социального устройства, которая в полной мере характеризует все происходящие в современном мире качественные трансформации. Во-вторых, сегодня наиболее развитые страны мира только начинают процесс перехода в информационную эпоху.

Указанный переход, по мнению исследователя, стал возможен в результате появления компьютеров и совершенствования системы телекоммуникаций. В связи с этим важнейшим изобретением информационной эры становится микропроцессор, а фундаментом происходящей сегодня научно-технологической революции является теоретическое знание.

Таким образом, Д. Белл приходит к выводу, что постиндустриальная эпоха наступает в результате длинной цепочки технологических перемен, что дает возможность исследователю предложить *теорию «технологической лестницы»*. В обобщенном виде она выглядит следующим образом.

Первая ступень – ресурсная база (сельское хозяйство, добывающая промышленность); вторая ступень – легкая промышленность (текстильная и т. п.); третья ступень – тяжелая промышленность (металлургия, машиностроение); четвертая ступень – «высокие технологии» (компьютеры, телекоммуникации); пятая ступень – отрасли, которые базируются на новейших научных достижениях в сфере биотехнологии, нанотехнологии, космических исследованиях и т. п.

Д. Белл в своей концепции выделяет три условия, дающие возможность государству продвигаться вверх по технологической лестнице: политическая стабильность; наличие широкого класса предпринимателей, высококвалифицированных специалистов в сфере новейших информационных технологий; адекватная современным реалиям система образования для подготовки таких специалистов. При этом американский исследователь справедливо признает, что в настоящее время лишь немногие страны готовы к вступлению в информационную эпоху. На его взгляд, только у США и Японии накоплен достаточный потенциал для осуществления перехода к постиндустриальной стадии развития человечества.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод о том, что, согласно предложенной Д. Беллом теоретической концепции, понятие «постиндустриальное общество» определяется исключительно через комплекс новейших технологий. Однако

это не совсем так. Американский социолог особенно подчеркивает, что постиндустриальное общество основано на услугах. Взяв за основу предложенную еще в 1940-х гг. английским экономистом К. Кларком трехсекторную модель, Д. Белл существенно видоизменяет и дополняет ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.